

Взаимоотношения Михаила Васильевича с папой, да и вообще с нашей семьей на протяжении нескольких десятилетий, можно охарактеризовать двумя парами слов – постоянство и дружелюбие, деликатность и принципиальность. Это не означает, что они были однообразными и скучными. Они развивались и в творческом и в человеческом плане.

Сначала юный Рыленков писал уже известному поэту, советуясь с ним, а Михаил Васильевич очень тепло и дружелюбно откликался на них и всячески поддерживал его вступление на поэтическую стезю. Затем состоялось личное знакомство, перешедшее в многолетнюю дружбу, крепнувшую из года в год. Война ещё больше сблизила их, выведя и того и другого на новый уровень творчества. После войны она становится дружбой равных в профессиональном отношении людей. Более того, во второй половине пятидесятых годов и особенно в шестидесятые годы папа давал другу в творческом плане больше, чем получал. Но всегда относился к нему с пиететом и большой нежностью, никогда не забывал, что Михаил Васильевич своей поддержкой способствовал становлению его как поэта.

Чувство благодарности людям за самые различные хорошие дела, поступки и прочее было одной из самых характерных черт папы.

Жизнь сложилась так, что большую часть они общались посредством писем, хотя и встреч было много. Но всё же письма преобладали. Это был нескончаемый диалог близких, понимающих друг друга людей по самым разным вопросам и событиям, но почти всегда в них не обходилось без творческих.

Интересным мне кажется такое совпадение в их судьбах. После реорганизации тюнинского педучилища папа вынужден был для получения аттестата о среднем образовании перевестись в Смоленск. Друзья устроили его в четвертую школу в Выгонном переулке. До революции это была частная гимназия Воронина, и в ней учился Михаил Васильевич, но вынужден был уйти из шестого класса из-за бедственного материального положения семьи. Так они могли, но не закончили одно и то же учебное заведение. А словесником и у Михаила Васильевича, и у папы был Яков Иванович Ильин. Это был, пожалуй, лучший словесник города. И Исаковский и папа после войны переписывались с ним, поскольку жил Яков Иванович в Донецке.

Но нить судьбы протянулась дальше: одна из лучших учениц Ильина – Лидия Петровна Шутилло – стала словесницей и преподавала в школе, где мы учились с сестрой, и, к великому счастью сестры, была не только завучем школы, но и её учителем литературы, совершенно блестящим педагогом. Мне, к сожалению, так сказочно не повезло.

В этой школе папа и узнал об Исаковском от Якова Ивановича, который даже обещал познакомить его с бывшим учеником, но не случилось. А стихи Михаила Васильевича читал в газете «Рабочий путь» и они ему очень понравились.

Краткое время учебы в смоленской школе много дало в духовном развитии: это и активное участие в школьном литературном кружке, где ему предложили сделать до-

клад об одном из современных поэтов. Папа назвал Бунину и Блока. Яков Иванович порекомендовал Блока (и понятно почему – Бунин был эмигрантом), хотя папе больше хотелось о Бунине (он уже не раз прочитал его собрание сочинений). Но в то же время, готовить доклад о Блоке было интереснее, так как был мало знаком с его дореволюционным творчеством (главным образом знал стихи о России и некоторые другие). Готовился очень тщательно, начал с внимательного чтения последнего прижизненного собрания сочинений Блока, подготовленного им самим. Доклад озаглавил «Поэзия пророческих предчувствий». Готовил он его в университетском читальном зале. Хотелось не ударить в грязь лицом ни перед учителем, ни перед своими товарищами и показать, на что способны жители деревни.

Интересен подход руководителя литературного кружка. В отличие от многих нынешних учителей, Яков Иванович не стал читать написанный текст, сказав, что литературный кружок, кроме всего прочего, должен поощрять у своих членов самостоятельность мышления.

«Если Вы в чем-нибудь и ошибетесь – не беда. Я Вас поправлю там, на кружке. Так будет интереснее и для Вас, и для Ваших слушателей, да и для меня тоже».

Доклад о Блоке вызвал такой интерес ребят, что они долго не расходились, горячо спорили, не только какой Блок поэт – великий или большой, можно ли его поставить рядом с Лермонтовым и Некрасовым, но и понять – что же такое поэзия – увлечение, страсть или судьба. Это вечные вопросы, которые задают себе и поэты, и любители поэзии. Но они удивительны для таких юных людей, что говорит о хорошем интеллектуальном уровне их развития, их настоящем интересе к поэзии.

Тем не менее школьный литературный кружок не совсем удовлетворял папу (Яков Иванович ставил перед ним только учебные цели), а так как он хотел проверить себя и на более высоком уровне, то поддался уговорам студента университета Ф. Власова (тоже тюнинца) вступить в университетский литературно-творческий кружок. Для этого пришлось читать свои стихи, которые бурно обсуждали, устроив настоящую «баню» автору – что же будет дальше после пейзажных зарисовок, для настоящей поэзии нужна мысль. Однако в кружок приняли единогласно.

Но, как сказал Ильин папе, рассказавшему об университетском кружке, – кто станет спорить, что в поэзии нужна мысль, но нельзя ломать себя, умничать в стихах.

Произошла страшная трагедия в гостинице «Англетер», и за несколько дней у него сложилось стихотворение достойное настоящего поэта. В нем звучали как раздумья о судьбе поэта, так и о будущем его творчества и впервые прозвучало прямое обращение к Родине.

На университетском вечере памяти Есенина прочел свое стихотворение, принятое очень хорошо. Все говорили, что стихи надо отдать в газету. Пришлось, наконец, решиться и зайти в редакцию «Смоленской деревни», прихватив еще несколько стихов. Но там, хотя стихи понравились и даже очень, особенно о Есенине, объяснили, что они не совсем для газеты – редактор не одобрит. Один из сотрудников даже сказал, что газетных стихов этот юноша писать не сможет, даже если захочет. Я прав? – спросил он. – Да, – подтвердил папа, и сама жизнь показала это!

Но другой сотрудник (Ягодкин) порекомендовал попробовать написать что-то чисто деревенское, уловив в его стихах любовь к деревне. Вот стихи Исаковского никак не назовешь агитками. Никто не скажет, что Исаковский пишет агитки, а почти все стихи можно печатать в газетах. Так и появилось стихотворение «Толока», напечатанное

14 февраля 1926 года накануне дня рождения. В основе его лежал реальный случай. Это была первая публикация, и радостная и огорчительная, так как изменили название на «Взаимопомощь» и «исправили» несколько строчек.

Закончить в Смоленске школу папа не смог, как и М.В. Исаковский и по той же причине — отсутствию средств для жизни. Второе полугодие девятого (выпускного) класса он прouchился в Рославле, где и получил аттестат.

После окончания школы, несмотря на страстное желание учиться дальше и настоятельные рекомендации педагогов, пришлось искать работу. Проработав на ликбезе в Брянской области учебный год за нищенскую зарплату (20 рублей в месяц) и без оплаты вторым учителем в школе (как бы на педпрактике), он понял бесперспективность этих занятий. И решает уехать домой, поработать на земле, чтобы иметь моральное право писать о деревне. Вот как он писал об этом времени: «И я по-настоящему впрягся в крестьянский хомут. (...)

В годы ученья я жил все-таки немножко в стороне от повседневных будничных забот деревни, а тут самому пришлось окунуться в них с головой. Чтобы не позволить им захлестнуть себя, я снова и снова перечитывал Горького».

Деревня переживала очень сложное время. Земля, в результате бесконечных переделов, что вызвало соответствующее отношение к ней, тощала. Молодежь уходила в города. Папа считал своим долгом написать об этом поэму, но закончить ее ему не удалось. Однако отрывок из нее, и довольно большой, был напечатан в смоленской газете «Юный товарищ» с посвящением Исаковскому.

Но мог ли он сделать что-то реально? Нужна была совсем иная политика в деревне, иной подход руководства страны в сельском хозяйстве, но власти совсем не интересны были насущные проблемы крестьянства. Задача была — обеспечить продовольствие города любой ценой.

Жилось папе очень трудно и, возможно, не только и не столько из-за тяжелых физических нагрузок и материальных затруднений, а из-за отсутствия полноценной интеллектуальной жизни, духовного общения, культурной среды, которые нужны были ему как воздух и сопровождали в годы учебы в Тюнинской школе. На молодого человека 18-19 лет (каким был тогда папа) свалилась огромная ответственность за людей накануне коллективизации. Жизнь ставила перед ним такие вопросы, на которые не могли бы ответить даже опытные люди и по разным причинам — от невозможности предсказать результаты предстоящих изменений в сельском хозяйстве до этических проблем руководства ими. Как всегда повторяли родители — крестьян отлучили от земли и отучили работать.

Три года папа проработал в сельском совете, и самым главным достижением этого времени, предметом гордости считал то, что никого не дал вписать в списки на раскулачивание.

И все это время поэзию не бросал, мучительно искал свой путь. И как он сам говорил — от такого мученья, как поэзия, не может избавить ни бог, ни царь и не герой. Старый приятель папы Иван Агеев (впоследствии сменивший его на посту председателя сельского совета) советовал — ну что ты мучаешься, пошли стихи своему «богу» Горькому. Горький вернулся из-за границы. Он очень внимательно следил за развитием литературы и много помогал начинающим авторам. Так он фактически изменил судьбу М.В. Исаковского, стихи которого подвергались резкой критике, в частности столичная критика разнесла в пух и прах его книгу «Провода в соломе». Горький же, прочитав ее,

написал рецензию, напечатанную в одной из центральных тогдашних газет – «Известия» в начале 1928 года. В ней он отмечал, что Михаил Исаковский не деревенский, «а тот новый человек, который знает, что город и деревня – две силы, которые отдельно одна от другой существовать не могут, и знает, что для них пришла пора слиться в одну необоримую творческую силу».

Главная мысль статьи выражена словами: «Страдаю пристрастием к стихам, простая форма которых насыщена ценным содержанием».

Эта рецензия сыграла огромную роль не только в литературной судьбе Исаковского но и многих других молодых поэтов Смоленщины и не только ее. Папа считал, что она дала ход целому поэтическому направлению.

Но он даже помыслить не мог, чтобы обратиться к Горькому, хотя очень нуждался в человеке, который бы понимал его искания и мог дать добрый совет. С большим трудом, преодолевая свою застенчивость, решался иногда писать своему старшему земляку М.В. Исаковскому. На всю жизнь папа запомнил, что в своем первом письме к нему он спутал его отчество, назвав Александровичем. Исаковский ответил очень быстро длинным и добрым письмом. Но беспокоить его часто папа не решался, чтобы не надоедать. Поэтому Исаковский, видимо чувствуя его стеснительность, если долго не получал известий, иногда писал сам. Папа посылал свои стихи Михаилу Васильевичу только тогда, когда тот просил. Но, как правило, Исаковский читал стихи уже опубликованными в газетах. Так началось их письменное общение, и оно приоткрыло окошко в мир современной поэзии.

Лето 1930 года стало, в некоторой степени, переломным в судьбе папы. В ту пору у него гостили А. Твардовский и А. Македонов. Все они были почти ровесниками – папа и Македонов одногодками, а Александр Трифонович на год моложе. Но Македонов, несмотря на молодость, уже окончил университет и уговаривал папу поступить туда же. Все страстно любили поэзию, много говорили и спорили.

А страсти в связи с предстоящей коллективизацией в деревне накалялись. Надвигалась гроза и на председателя, который не видел среди жителей своего сельского совета кулаков. Спас его Денисов (председатель райисполкома), который посоветовал молодому человеку – уезжай учиться от греха подальше пока есть возможность, и дал ему рекомендацию. Так папа попал в Смоленск и в институт, в который его приняли без экзаменов, как сына рабочего и по рекомендации.

Тогда ли, или несколько ранее на каком-то совещании крестьянских поэтов он и познакомился с Михаилом Васильевичем лично. Во всяком случае, до отъезда Исаковского в Москву (в 1931 году) они часто встречались, поскольку папа принимал активное участие в литературной жизни города. Знакомство быстро перешло в дружбу. Исаковский был общительным и веселым человеком.

Мама только в 1929 году познакомилась с его стихами и видела его в Доме работников просвещения на литературных вечерах. Он читал свои стихи вместе с другими поэтами. После вечеров были и танцы. Маме не пришлось танцевать на этих вечерах, но ее любимая подруга Катя Манаенкова (правда, еще до знакомства с мамой) часто танцевала с Михаилом Васильевичем. Михаил Васильевич был жизнерадостным, приветливым человеком, любил пошутить. Производил впечатление неизменной доброжелательности и оптимизма. Он не всегда говорил о веселых вещах, но в его стихах не было безысходности. Маму с Михаилом Васильевичем познакомил папа. Михаил Васильевич был в то время женат на Лидии Ивановне, окончившей медфак университета.

Это была очень приятная, открытая, симпатичная женщина с мягким, но решительным характером, веселый и остроумный человек. Михаил Васильевич был очень привязан к ней.

Михаил Васильевич в 1931 году уехал в Москву, и встречи с ним стали реже – когда он по делам приезжал в Смоленск, или папа ездил в Москву. Тогда и возобновилась переписка между ними, продолжавшаяся до ухода папы. А затем Михаил Васильевич переписывался с мамой. Естественно, что довоенных писем в нашем архиве нет. А вот Михаил Васильевич сумел сохранить все папины письма, в том числе и довоенные (из Смоленска).

Перебравшись в Москву, Исаковский, внимательно следивший за творчеством своего молодого друга и коллеги, настоятельно уговаривал папу, который был членом Союза писателей СССР, побывал на I съезде писателей, где видел и слышал Горького, послать свои стихи в журнал «Колхозник». Но решился на это папа только после того, как в журнале «Литературная учеба», выходящем под редакцией Горького, появился благожелательный отзыв на его книжку «Встречи». Журнал «Колхозник» начал выходить в 1934 году как литературно-политический и научно-популярный ежемесячник. Для него самим Горьким была разработана широкая и интересная программа, рассчитанная на сельскую интеллигенцию, для чего он привлек к сотрудничеству виднейших литераторов и ученых. И хотя официальным редактором журнала считался Урицкий, но фактически без одобрения Алексея Максимовича в нем не печаталось ничего.

И вот, в конце 1935 года папа посылает в редакцию «Колхозника» свое стихотворение «Новоселье». Ему ответили оперативно – через две недели. Стихотворение литературный отдел одобрил, и его послали в Крым Горькому. Прошли еще две недели, и пришло новое письмо из редакции. В нем сообщалось, что Горькому «Новоселье» понравилось, автору выписан гонорар, его причислили к постоянным сотрудникам, и как таковой он будет получать журнал бесплатно. В письме содержалась просьба присылать новые стихи. Тут все сомнения рассеялись, это была полная радость, и, не откладывая, папа высылает в журнал новое стихотворение «За тобою звезды полукругом». Теперь он мог поделиться такой удачей с друзьями, и конечно же, в первую очередь, с Михаилом Васильевичем.

В первый же приезд папы в Москву, Исаковский сказал ему, что с ним хочет познакомиться Крючкова, заведовавшая редакцией журнала «Колхозник» (жена секретаря Горького). Крючкова поразила папу тем, что прочла его новое стихотворение наизусть. Она показала ему и рукопись «Новоселья» с пометками Горького – он хвалил стихотворение, но предлагал изменить одну строку и даже давал свой вариант ее. Папе очень хотелось получить листок с пометками Алексея Максимовича, но его не дали, так как все такие рукописи шли в архив. Стихотворение не появилось в «Колхознике», но зато напечатаны были другие стихи – «За тобою звезды полукругом», «Ты скоро станешь матерью», «Отъезд». Казалось, что так хорошо начавшееся сотрудничество с интереснейшим журналом будет продолжаться и крепнуть. Но нет. Летом 1936 года папа находился на заочной сессии заочного отделения литературного института. Неожиданно умер Горький. Это был страшный удар для литературы. Папа принял участие в похоронах Алексея Максимовича, стоял в почетном карауле.

После траурного митинга на Красной площади папа зашел к своему другу, тогда еще молодому ученому-биологу Николаю Алексеевичу Налетову, сказавшему очень точно об Алексее Максимовиче: «Удивительная судьба у этого человека. Всю жизнь светил, а

В день его смерти затмилось солнце». Действительно в этот день произошло солнечное затмение.

Для русской культуры смерть Горького была большой потерей. Папе хотелось по-своему обдумать Горького и написать о нем. Сначала было стихотворение «Человек», написанное к годовщине смерти Алексея Максимовича, оно должно было появиться в «Колхознике», но не появилось – изменилась редакция, нарушились традиции. Но папе хотелось сделать что-то большее в память о Горьком. И он пишет поэму «Большая дорога», которая была опубликована в смоленском альманахе «Родина». После войны он вернулся к работе над ней и в результате появились две поэмы «Большая дорога», посвященная Горькому, и «Петербургский туман».

Работа в издательстве, «Рабочем пути», на радио совмещалась всегда с собственным творчеством, хотя и выматывало его все это очень сильно. Но она давала возможность не только обеспечивать семье скромный материальный достаток и покупать книги, но и поддерживать многочисленных родственников, пострадавших от репрессий. А творчество было тем, от чего он не мог отказаться ни за какие блага мира – его внутренней душевной потребностью. На него отдавались ночные часы.

Исаковский, никогда не порывавший связи со своей родиной, проявлявший интерес к литературной жизни, издавал здесь книги и печатал стихи в газетах. Об этом можно судить по письмам папы Михаилу Васильевичу:

«Дорогой Михаил Васильевич!

Моя заметка в «Большевицком молодняке» о Фиксине, конечно же, написана была с целью поддержать его. Для меня совершенно ясно, что даже в лучших стихах он, как ты совершенно правильно заметил, несамостоятелен.

В стихотворении «Братья» есть строки, которые почти дословно повторяют твои строки из стихотворения «Сыновья». Но всё-таки стихи о детях у Фиксина получаются лучше других стихов, об этом нужно было сказать. (...) Недавно я сдал в «Запгиз» книгу стихов. Мне бы хотелось дать также книжку в «Литиздат», что ли. Кто там редактирует поэзию, и к кому бы следовало обратиться. Если ты знаешь тамошние порядки – напиши мне, пожалуйста. (...) Слыхал ли ты что-либо насчет «Лешего и Аленушки»?

Жму руку

26/XI. Рыленков».

Папа отправил рукопись книги стихов «Дыхание» в «Гослит» (ГИХЛ), но ответа оттуда не было, а сам он зайти и узнать о ее судьбе не решался. Весной 1937 года подвернулся удобный случай – пригласили на обсуждение новой книги стихов А. Прокофьева, которого знал и любил, «Прямые стихи». Там он узнал, что И. Уткин, работавший редактором, хочет с ним поговорить о книге. В издательстве они прошлись по рукописи, и оказалось, что замечаний не так много, и почти со всеми папа согласился. Разногласия возникли из-за стихотворения «Опять роняют пух тяжелые гусыни». Уткин посчитал это стихотворение не органичным для автора, а папе оно было дорого, Уткин, которому нравились папины стихи, хотя и огорчился, но уступил. Однако книга могла бы и не выйти, так как Уткин уходил из редакции и, следовательно, не мог ее редактировать. Но Иосиф Павлович оказался очень благородным человеком. Он решил передать редактирование своему приятелю В. Казину, как он выразился «с рук на руки», и наказал ему не быть лукавым царедворцем и не обижать автора. Но это еще не все. Зная нравы, царившие в издательствах, когда издание книги порой отодвигалось из года в год, Уткин предложил сразу же отправиться к главному редактору (Марку Серебрянскому) и уговорил вклю-

чить сборник в план изданий этого года. И хотя она и не вышла в том году, а только в конце 1938 года, но все равно это была огромная радость для автора.

В том же 1938 году, но несколько ранее, у Исаковского вышла в «Запгизе» книга «Песни».

Папа об этом сообщает Михаилу Васильевичу в письме от 07.09.1938:

«Дорогой Михаил Васильевич!

Получил ли ты авторские экземпляры «Песен»? Книжка вышла еще в августе, когда ты был на курорте. Мы не посылали ни авторских, ни гонорара, ждали твоего возвращения...

В смоленских газетах были рецензии на «Песни». В «Рабочем пути» дал заметку я. «Рабочий путь» кое-что даже перепечатал из книжки. Все говорят – книжка вышла очень хорошая.

Что нового в Москве? «Октябрь» в 7 книжке напечатал три моих стихотворения, а «Литгазета» их разругала. Разругала глупо, бессовестно. В 7 же книжке «Молодой гвардии» напечатан мой «Леший». Жду, что и его разругают. Впрочем – наплевать на все это. У меня к тебе есть маленькая просьба. Позвони в Гослитиздат и узнай – в каком положении моя книжка. О результате черкни пару строк.

Жму руку

Н. Рыленков»

Михаил Васильевич, видимо, собирался написать книгу под названием «Катерина» и просил узнать папу, можно ли издать ее в Смоленске. Вот что отвечает ему папа в письме:

«Дорогой Михаил Васильевич!

Вопрос об издании «Катерины» я с Новосельским согласовал. Он, конечно, не возражает. Если у тебя рукопись готова, пришли нам копию, мы будем двигать, хочется выпустить ее поскорее.

У нас в издательстве было обследование. А так как Новосельского нет, отдувался я. Дыхнуть некогда было. Сейчас маленько свободнее, но и сейчас работы до черта. Год кончается – а план не выполнен. Пишу мало.

Говорят – в Гослитиздате уже вышла моя книжица. Очень прошу тебя – узнай и, если это правда, поторопи с высылкой авторских экземпляров. Еще лучше – если ты сумеешь достать один-два экземпляра и прислать мне. Буду очень признателен. Получил ли ты мою песенку? Послал я ее в самый разгар «ревизии» у нас, когда даже приписать несколько строк было некогда.

Жму руку.

Н. Рыленков

11/XII-38г.»

Сборник под названием «Катерина» не был издан. И дело было не в нежелании его издавать, а, скорее всего, в изменении планов автора. Песенка, о которой идет речь, была написана для спектакля смоленского театра «Неравный брак» и называлась «Кис-кис». До войны папа регулярно ходил на премьерные постановки театра, часто писал на них рецензии. Песенка была послана Михаилу Васильевичу просто для прочтения. Что, кстати, делал и Михаил Васильевич, особенно после войны, присылая сатирические стихи или басню.

Во второй половине сорокового года увидела свет последняя предвоенная книжка папы – «Березовый перелесок». В нее вошли стихи последних лет – 38-40 годов. Чув-

стывая приближение грозových событий, папа всегда увлекавшийся историей, обратился к героическому прошлому Смоленска, помня слова своего учителя истории – чтобы понять настоящее и предвидеть будущее, надо заглянуть в прошлое. Лирика и история, созерцательность и уход от современности. Этого не могли простить критики. И в Смоленске, и в Москве (в журнале «Литературное обозрение») появились разносные рецензии.

В письме к Михаилу Васильевичу папа пишет:

«Дорогой Михаил Васильевич!

Если Серебрянский напишет статью – я буду, конечно, очень рад. Меня, как ты знаешь, этим баловали не часто. На «Березовый перелесок» до сих пор была только одна, да и то плохая рецензия в «Большевицкой молодежи». (...) Ты переводишь стихи Франко. Если есть что-нибудь готовое – присылай для нашего органа. Я бы и сам с удовольствием перевел 1-2 стихотворения, да нет подстрочников. Не можешь ли ты мне раздобыть. А самая большая просьба – пришли, если есть что-либо новогоднее. В Смоленске все радуются, что тебя вдруг открыли критики и согласились с Горьким, что ты хороший поэт.

А дискуссия о Маяковском, судя по лит. газете, превратилась в склоку. Защита Лебедева-Кумача Жаровым и Алтаузенным шита совсем белыми нитками. Не его, а себя они защищают. Даже мины хорошей при плохой игре сделать не сумели. Напиши, что слышно о новом составе редколлегии журналов?

19/XII-40

Жму руку Н. Рыленков»

Совершенно невероятная умственная нагрузка, доходившая до 20 часов в сутки, короткий сон, за который мозг не успевал отдохнуть, привели к страшному нервному истощению еще совершенно молодого человека, едва достигшего 32 лет. «20 февраля ночью он потерял сознание, отвезли в клинику. Врачи запретили заниматься умственной работой хотя бы 2-3 месяца, но, конечно, он не мог себе это позволить.

Уже 08.03.1941 он пишет Исковскому:

«Дорогой Михаил Васильевич!

Мне, право, очень совестно, что я доставил тебе столько забот и беспокойства, тем более, что я знаю, как ты болен сам. Новосельский рассказал обо всех московских разговорах и привез письмо от Марка Серебрянского, которому я тоже очень признателен.

Я, видимо, страшно переутомился, истощил нервы. 20 февраля меня без сознания отвезли в нервную клинику. Пять часов я не приходил в себя. Сейчас уже несколько отдохнул и даже приступил к работе в редакции, хотя нервы все-таки напряжены и головные боли продолжают. Но это вещи грустные и говорить о них неприятно. Если бы другие издательские возможности, бросил бы я редакцию, уехал бы куда-нибудь в деревню на целое лето, и всё бы пришло в норму. Но об этом сейчас даже и думать нечего.

Вчера получил телеграмму от Экарта, он сообщает, что моя кандидатура намечена на творческую конференцию, которую Союз собирает в апреле.

Приеду – тогда увидимся, поговорим.

Пишу я сейчас очень мало, хотя задумано и начато много.

Крепко жму руку Н. Рыленков»

Насколько мне известно, М. Серебрянский (главный редактор Гослита), хотя и собирался написать рецензию, не сделал этого. Как мне кажется, Серебрянский просто не успел ее написать и опубликовать. Кроме того, повлияла и творческая конференция папы в Москве.

Судьба «Березового перелеска» – этой лучшей, по папиному мнению, довоенной книги своеобразна и интересна.

Во-первых, вызвала интерес критиков не только в Смоленске, но и в Москве. Даже Д. Данин напечатал на нее рецензию в «Новом мире» и в ней, в отличие от других, хотя и критиковал, отметил талантливость автора, его стремление к простоте, а в историзме усматривал не уход от действительности, а залог преодоления созерцательности и более глубокого освоения современности.

Во-вторых, интерес к книге привел к тому, что Союз писателей предложил устроить обсуждение стихов у московских поэтов – творческую конференцию (была такая форма работы). Состоялся большой вечер, и, как вспоминал папа, «разговор шел по самому высокому счету, без придинок по пустякам и без скидок на периферийность». «Литературная газета» дала пространный отчет о вечере почти на целый подвал.

В-третьих, стихи из книги в своем большинстве не раз публиковались в различных сборниках и вызывали очень хорошие отзывы у серьезных исследователей.

В-четвертых, книга имела посвящение – Евгении Цунской (мама до войны носила свою фамилию, в 1941 году исполнилось 10 лет их семейной жизни), и она послужила ей своеобразным пропуском в поисках детей, отправленных из горящего Смоленска к родственникам в Подмоскovie. Поезда западного направления в Вязьме отправлялись на Калугу и далее в Среднюю Азию. Для посадки в поезд на Москву требовалось особое разрешение, которого у мамы не было. Книга с посвящением и надписью папы стала тем магическим ключом, который открыл ей путь.

В Москве и до войны существовала «Библиотека Огонька». Книжечки тоже были очень небольшими по объему, но зато выпускались большими тиражами. В 1941 году вышел такой сборник и у Исаковского. Поэтому поводу папа пишет ему:

«Дорогой Михаил Васильевич!

Книжку твою «Огоньковскую» получил. Большое спасибо. В ближайшие дни я дам на нее рецензию в «Рабочий путь». Было бы хорошо, если бы ты прислал дать вместе с рецензией твои новые стихи.

Книга вышла очень хорошая. Жалко только, что в нее не вошли такие стихи, как «Мастера земли» и «Поэма ухода». Я понимаю – объем и т. д., но все-таки жалко.

Ведь 50 000 тираж. Что в Москве слышно, как с бумагой? Есть ли какие перспективы на улучшение?

Послал я в Гослитиздат после переделки книжку стихов. Пока – ни слуху, ни духу. (...)

Недавно в Смоленске в пединституте был мой большой вечер. Все прошло хорошо, только много высокопарной чепухи болтал во вступительном слове Горбатенков. Я не знал куда деваться.

Если увидишь Твардовского, скажи, я поздравляю его с получением премии. Хотелось бы побывать в Москве, но теперь уж до середины апреля не придется. А в середине апреля намечается мой вечер там, как будто. Я уже рукописи новых моих вещей послал.

Ну, будь здоров. Привет от моей Жени.

Жму руку Н. Рыленков

март 1941»

Поскольку вскоре началась война, сборник не вышел. В 1943 году в этом же издательстве выпущен другой – «Синее вино» с военными стихами. В Горбатенков, о котором упоминается в письме, был весьма одиозной фигурой. Прославился яростной борьбой с кулацкими тенденциями в литературе, доношением, поиском врагов советской вла-

сти и их пособников. Написал клеветническую статью о Твардовском и для «весомости» подписал ее еще двумя фамилиями. Горбатенков погиб и за свои деяния, к сожалению, не понес наказания. (Так говорил прокурор, который вел дела по реабилитации.)

Что приближалась война, витало в воздухе. Исаковский присылает свое стихотворение «Пограничник». По этому поводу папа пишет:

«Дорогой Михаил Васильевич!

Получил твое стихотворение «Пограничник» и потому сужу о том, что ты уже в Москве. Хотелось написать тебе давно, но адреса дома отдыха, где ты был, у меня нет, а когда ты вернешься в Москву — не знал. Стихотворение твое сегодня сдаю — у нас предполагается оборонная полоса «Литературного Смоленска». Если есть что-нибудь еще оборонное — присылай. А может быть, будешь писать к партийной конференции — так тоже не забудь нас грешных. А то я как-то прочел в новогоднем номере курской газеты твое стихотворение и подумал: почему курской, а не смоленской?

Недавно у нас было обсуждение итогов литературного года, на коем мне изрядно досталось за лирику и за увлечение историей, так что я сейчас пишу мало, больше переживаю. Собираюсь писать пьесу — лирическую, в стихах. Что из этого получится — не знаю, но хочу попробовать. Когда-то я даже написал одну картину, на большее пороку не хватило. (...)

А что в Москве нового? Как пишется? Черкни.

Жму руку Н. Рыленков

10/II-41 г.»

Пьеса так и не была написана — до войны оставалось мало времени.

На «Огоньковскую» книжку Михаила Васильевича папа, как и обещал, дал заметку в «Рабочем пути».

«Дорогой Михаил Васильевич!

Посылаю тебе мою заметку о твоей книжке, напечатанную в сегодняшнем номере «Рабочего пути». Нового для тебя в ней, конечно, ничего нет. А читателям никогда не мешает напомнить о хороших стихах. Жалко, что заметку пришлось сокращать. Не обошлось, как всегда, и без опечаток. Дело житейское. (...)

Как трудно сейчас издаваться в Гослитиздате — я чувствую и сам. Но все это «суета сует и всяческая суета и томление духа», — сказал Экклезиаст, которому не нужно было думать о гонноре.

Желаю всяческих благ, жду стихов.

28/III-41 Привет. Н. Рыленков»

Последний приезд Михаила Васильевича в Смоленск до войны состоялся буквально за несколько дней до 22 июня. Пожар войны, вспыхнувшей в центре Европы, неуклонно приближался к нашим границам, и ощущение близкой и неизбежной грозы охватывало все больше народа. Везде проводились учения по самообороне, химической защите. Папа взял командировку в редакции «Рабочего пути» (собирался писать очерк), а редактор, прощаясь, пообещал, что в ближайшее воскресенье будут опубликованы давно лежавшие там его стихи «Он с финского фронта вернулся в село». Стихи действительно напечатали 22 июня 1941 года.

Михаилу Васильевичу хотелось побывать у себя в Глотовке и во Вздохах. Вначале побывали во Вздохах, а затем поехали в Глотовку. К тому времени мать Михаила Васильевича уже умерла, и там из близких жил только брат его Нил Васильевич, с женой. Немного погостили у них и вернулись во Вздохи. По дороге они услышали о нападении фа-

шистской Германии на Советский Союз. В райком им дали машину и, не задерживаясь во Вскодах, отправились на станцию Спас-Деменск. Каждый понимал, что надо срочно возвращаться домой — Михаилу Васильевичу в Москву, а папе в Смоленск. Поскольку оба они выглядели не совсем обычно — оба в очках, а папа еще и в шляпе, сверхбдительный гражданин (в то время это было обычное явление) принял за шпионов и милиция забрала их. Выручил еще не успевший уехать райкомовский шофер. Папа уже через несколько дней ушел добровольцем на фронт, в действующую армию, а Михаил Васильевич, естественно, не мог этого сделать по нездоровью (очень плохое зрение).

Поскольку события разворачивались очень быстро, фашисты приближались к Москве, из города шла эвакуация граждан. Союз писателей нанял для этой цели пароход (а может быть, даже не один). Одним из мест эвакуации был Чистополь на Каме. Туда и уехал Михаил Васильевич с семьей; отвез жену Марию Илларионовну и детей А. Твардовский и многие другие. Я думаю, что до весны 1942 года папа и Михаил Васильевич ничего не знали друг о друге, так как папа в Подмоскovie командовал саперным взводом и находился на передовой.

Письменная связь восстановилась, когда откомандировали в журнал «Фронтowej юмор» и он стал бывать в Москве, отыскал семью, которую после семимесячного пребывания на линии фронта удалось отправить в тот же Чистополь, где еще летом-осенью обосновалась большая колония писателей.

Там началась семейная дружба мамы с Михаилом Васильевичем и Лидией Ивановной. Началась она почти с первого дня нашего приезда. Нас временно поселили в гостинице, а это были мама, две ее сестры и дети — сестра и я. Крохотная комната с двумя односпальными кроватями. До этого мы долго голодали. И в пути тоже, поскольку ехали долго и не могли получать продукты. У нас оказалось довольно много хлебных карточек (эвакуационных). Мама принесла сразу 10 килограмм хлеба — огромные круглые буханки, а сама ушла искать жилье, наказав нам не есть много хлеба. Мы с сестрой так и сделали, а одна из маминых сестер не утерпела и просила другую отрезать ей хлеба еще и еще. В результате — стало плохо, начала задыхаться и терять сознание. Все растерялись — чужой город, что делать, куда обращаться? На наше счастье зашли Исаковские — Михаил Васильевич и Лидия Ивановна. Папа писал Михаилу Васильевичу, что мы должны приехать, да и руководство писательской организации было извещено об этом. Поэтому он регулярно справлялся в Союзе о нас и волновался (мы добирались больше месяца), почему так задерживаемся. Поэтому, как только узнал, что мы на месте, пришел спросить, как устроились и чем можно помочь. Увидев хлеб на столе, лежащую без сознания тетущку и наши отчаянные лица, Лидия Ивановна мгновенно сообразила, в чем дело и быстро взялась за дело. Во-первых, она была врачом, во-вторых, уже сталкивалась со случаями отравления едой после долгого голодания. С подобным мама столкнулась тоже, когда работала в ремесленном училище, где часть ребят была эвакуирована из Ленинграда. Тетущку спасли, но все очень испугались.

Лидия Ивановна пришлось маме по душе еще с довоенного краткого знакомства в Смоленске. А в Чистополе, узнав ее хорошо, от всей души полюбила. Мама все больше убеждалась в том, что Лидия Ивановна настоящая и надежная опора Михаила Васильевича. В самые трудные времена (а они у него бывали), особенно в годы войны, она была ему поддержкой и заботливой, понимающей женой. Михаил Васильевич тяжело переживал, что сам не может воевать с оружием в руках с врагом, разоряющим нашу землю, и Лидия Ивановна всегда находила слова, чтобы смягчить его переживания, развеять

уныние. Исаковского угнетало, что многие не понимают его состояния. И как-то в разговоре с мамой сказал: «Молодые не поймут, что я тоже по-своему воюю с врагом, мне больно чувствовать такое ко мне отношение — ведь руки, ноги и голова есть — достаточно. Он же не слепой, а только в очках». Исаковский с большим уважением относился к маме и знал, что она понимает его состояние.

Жилье в конце концов мама сняла и почти рядом устроилась на работу в ремесленное училище дежурным комендантом-воспитателем. Нас с сестрой определили на круглые сутки в литфондовские детские учреждения. Наташу в интернат для школьников меня в детский сад (у нас была всего шестиметровая комната на четверых с узким деревянным диванчиком).

Поскольку папа писал регулярно не только маме, но и Михаилу Васильевичу (хотя ему и реже), то мама, навещая нас в свободное от работы время (она дежурила сутки через сутки), забегала довольно регулярно к Исаковым, чтобы обменяться новостями. Михаил Васильевич знал много больше обо всех событиях, так как у него была хорошая связь с Москвой и писателями. Однажды, отвечая на папино письмо, он написал:

«Дорогой Николай Иванович!

Получил твое письмо. Сейчас, пожалуй, я не смогу дать песен для «Фронтового юмора». Это потому, что я по договору обязан написать 4 песни для хора имени Пятницкого. А давать те же песни в журнал я не имею права. Кроме того, у меня есть другие обязательства, а пишу я, как ты знаешь, медленно. Однако, если у меня что-либо «набежит», я, конечно, пришлю тебе.

Очень бы хотелось, чтобы ты заглянул сюда. Неужели это никак нельзя устроить? Постарайся там и приезжай. Сюда приезжают многие, хотя к сожалению не те, кого хотелось бы видеть. Между прочим, посылая мне письмо, написал очень странный адрес. Ты написал: «ул. Бутлерова 16, дом 138, кв. 5». Это смесь двух адресов — твоей жены и моего. Письмо я все же получил, хотя его легко могли и не доставить.

Привет. М. Исаковский

20/VIII-42 г.»

Михаил Васильевич постоянно интересовался нашим житьем. Он понимал, сколь трудно маме справляться и с материальными трудностями и как нелегко работать в столь напряженном режиме в ремесленном училище. Искренне сочувствуя, давал вполне практические советы. Так, например, посоветовал устроить одну сестру в колхоз, а другую надомницей-вязальщицей. Это что-то прибавляло к очень небольшой маминной зарплате. Мама кроме обязанности дежурного коменданта была воспитателем 120 мальчишек, нужно было организовать их досуг. И здесь тоже помогал Михаил Васильевич в подборке стихов, отрывков из прозы. Однажды она рассказала Михаилу Васильевичу, что собирается читать его стихи «В прифронтовом лесу», «Ой, туманы мои» и «Отцовский дом разграблен и разрушен» своим ребятам. Михаил Васильевич согласился с первыми двумя, а последнее не советовал, так как дети не поймут, как инвалид может сражаться и других вести в бой. Ведь они еще дети, а дети — прямолинейны. Но мама все-таки решила прочесть все, ей казалось, что война сделала ребят взрослее. Оказалось, что стихотворение дошло не до всех. Ребятам же, которые видели войну своими глазами (мальчишки из Тульской области, вывезенные в Чистополь прямо из пионерского лагеря), была понятна его суть. Вероятно, надо было рассказать об Исаковском и его стихах, родной ему Смоленщине, о зверствах фашистов не после, а до чтения стихов. Взволнованные ребята упростили маму пригласить к ним Михаила Васильевича, и она

пообещала выполнить их просьбу, зная, что он редко отказывается от таких встреч. Но она не состоялась и не по вине Исаковского, а потому, что мама сама заболела.

Папа смог получить краткосрочный отпуск (всего несколько дней) только во второй половине ноября 1942 года. Поскольку прямого сообщения с Чистополем не было, то добираться надо было сначала до Казани поездом, затем пароходом до Чистополя. В Казани в трамвае его обокрали — вытащили бумажник с деньгами для семьи и на обратную дорогу. Хорошо, что остался билет на пароход и чемодан. За короткое пребывание папа смог несколько раз встретиться с Михаилом Васильевичем, но в основном без мамы. Однажды выбрались к Исаковским вместе. Угощение самое скромное — жареная картошка на растительном масле, гренки из черного хлеба и чай с настоящей заваркой. В рюмках почти символически. Разговаривали в основном о войне и литературе. Что-то радовало их, например, подъем в литературе, что-то огорчало. Михаил Васильевич, да и Лидия Ивановна любили шутки и старались поднять настроение. Глядя на основное блюдо — картошку, Михаил Васильевич стал рассказывать, что поспорил с Женей о том, что вырастит гигантский урожай картофеля (три пуда) из трех картофелин, которые надо было по мере их прорастания на определенную высоту прикапывать. Это Михаил Васильевич вычитал у какого-то ученого-практика (видимо, типа Лысенко). Мама, выросшая в деревне, прекрасно знала, что это совершенно нереальная затея. Хорошо, если вырастет горсточка горошин. Михаил Васильевич пригласил ее на картошку с нового урожая. И вот теперь, сказал он, мы едим ее. Папа с недоумением смотрел то на Михаила Васильевича, то на маму. Но тут Лидия Ивановна не выдержала и рассмеялась — да не верьте ему, с его картофелин даже горох не вырос.

Надо было возвращаться на службу. Кама стала, пароход исключался. Оставалось либо ехать с обозом на лошадях, а это 150 километров, либо, если возьмут, лететь самолетом.

Выбраться из Чистополя папе помог Михаил Васильевич, который знал все городское начальство. В горкоме он добыл разрешение на посадку в первый же прилетевший самолет. В день ожидаемого прилета погода была нелетной. Только на третий день удалось улететь. Все три дня папу провожал Михаил Васильевич и один раз с мамой (она дежурила в училище). По предложению начальницы оставили тяжелый чемодан с посылками в Москву от семей писателей в ее кабинете. Самолет — «уточка» открытый, папа в летней форме — пилотке и шинели. От обморожения спасли сшитые мамой теплые варежки. Михаил Васильевич, предвидя неприятности из-за опоздания на службу, добыл официальную бумагу с объяснением причин задержки. Перелет до Казани оказался тяжелым, фактически была зима, и шинель не спасала от холода. Согреться же подарком Михаила Васильевича не удалось (бутылка водки), так как его стащила из чемодана в кабинете начальница аэродрома. Хорошо, что чужие посылки уцелели. Папа довольно сильно простудился, но болеть не было возможности. Мама после отъезда папы тоже заболела. У нее обнаружили двухсторонний мокрый плеврит, и, вдобавок, пропал голос. Заболевание тяжелое, плохо лечится. Проболела она около пяти месяцев. Лечения особого не было — тепло, хорошее питание. Истощена мама была до крайности. А как обеспечить усиленное питание? Продукты можно было купить только на рынке по совершенно баснословным ценам. Там было все, но где взять деньги? Очень много сделал для того, чтобы поднять ее на ноги, Михаил Васильевич. Он добился, чтобы литфондовый врач регулярно посещал больную, хотя это и носило скорее формальный характер, но все же было хоть какое-то наблюдение, чтобы выделили для нее немного масла и несколько

килограммом сахара (вместо рекомендованного меда). Конечно, этого было явно недостаточно, но все же кое-что давало организму. Хитростью маму заставили пить, как рекомендовал доктор, под видом коровьего, более полезное козье молоко, добавляя в него масло и сахар, которые маскировали его специфический вкус. А к празднику (дню 8 марта) привезли даже подарки — отрез сатина на платье и материал на белье. И при этом никогда даже намеком не проговорился, что все это устроил он. И только позднее мама узнала от одной литфондовской работницы обо всем, настолько он был деликатен. А еще, безусловно, ей очень помогали его посещения, при которых он старался отвлечь больную от мрачных мыслей, внушить ей надежду на выздоровление, необходимость бороться за жизнь во имя детей. Развлекал ее разными смешными историями и байками. Мама сумела выстоять и подняться. Ей помогли и ее целеустремленный характер, и хорошая наследственность. На первом месте у нее был всегда долг.

Осенью, после освобождения Смоленска, мы двинулись назад. Исаковские уехали несколько раньше. Мы же с последним в ту навигацию пароходом, нанятым литфондом для возвращения семей писателей и художников из эвакуации. Шел 1943 год.

С Михаилом Васильевичем снова встретились уже в 1944 году в освобожденном Смоленске. Родители приехали в город 5 ноября 1943 года с первым эшеленом, а нас привез папа из Кондрова только ранней весной 1944 года, когда стало несколько спокойнее и в полученной квартире остеклили окна. Но с нашим приездом бомбежки опять усилились. Смоленск оставался прифронтовым городом. Бомбили каждую ночь, так как город был крупным железнодорожным узлом. Основной целью было Заднепровье (железная дорога, нефтехранилища), но доставалось всем районам.

Михаил Васильевич приехал в конце весны. Исаковский хотел увидеть, что стало со Смоленском, и, по возможности, побывать в родных местах. Город лежал в развалинах. Не было света, водопровода, канализации, отопления. Гостиниц тоже не было. И Михаил Васильевич поселился у нас. В квартире фактически ничего не было из мебели — мы спали на полу, родители на железной кровати, принесенной с пожарища. Это понимали власти, и из облисполкома привезли кровать со всеми принадлежностями. Днем они с папой бродили по городу, зашли к секретарю обкома Дмитрию Михайловичу Попову. Все увиденное потрясло Михаила Васильевича. Вечером сидели дома. Освещение — коптилка. Поговорив, улеглись спать. А затем в наступившей тьме загудели самолеты, развешивавшие осветительные бомбы — фонари, началась бомбежка, продолжавшаяся почти до рассвета. Дом стоял над Чертовым рвом, а за ним располагались зенитки. Палят из орудий. Светло как днем, свистят и разрываются бомбы. Укрытий нет. Все жители дома собирались на площадке первого этажа и ждали окончания налета. Но в этот раз мы не спускались и пережидали окончание вакханалии дома. Все в какой-то степени привыкли к налетам. Это были наши будни. Михаил Васильевич страшно разнервничался. Отчитал папу за то, что привез детей в такой ад и в то же утро, попросив у Попова машину, уехал в Москву. На память осталась маленькая фотография Михаила Васильевича с папой на площади Ленина около остова недостроенного до войны Дома Советов.

Осенью 1944 года Михаил Васильевич приезжал на день освобождения Смоленска и опять был нашим гостем. Жизнь в городе стала более спокойной. Немцев выбили из укрепленных районов под Оршей. Но это обошлось дорого — много наших солдат погибло там — поле сражения было буквально залито кровью. Смертельное ранение получил там двоюродный брат мамы — Виктор, сын ее любимого дяди Вани, приютившего нас у себя после бегства из горящего Смоленска в Подмоскovie.

И хотя город лежал в руинах, и была масса трудностей, но появилась надежда на возрождение.

Папа, назначенный главным редактором издательства, еще до возвращения в Смоленск, приступил к работе сразу же после октябрьских праздников 1943 года. И, несмотря на колоссальные трудности разного характера (шла война), отсутствие квалифицированных кадров (приходилось работать почти в одиночку), сумел быстро наладить выпуск разной литературы, от брошюр до художественных произведений, попутно собирая актив авторов. Уже в 1944 году был выпущен сборник Михаила Васильевича «Здравствуй, Смоленск», хотя Исаковский очень сильно сомневался, что такое возможно. В нем было 1200 строк, из старых стихов в него вошли лирика и песни, из новых (военных) преимущественно те, которые связаны со Смоленщиной.

Уже в 1944 году издательство планирует выпуск другой книги Михаила Васильевича «Избранные стихи». Правда, по разным обстоятельствам, она появилась лишь в 1947 году. Частично задержка связана с самим Исаковским – его привлекали к срочной работе над гимном РСФСР, готовил сборник «Песни о Родине» для «Советского писателя» и т.д. При составлении плана издательства на 1947 год папа предложил включить в него книгу избранных переводов из белорусских писателей Михаила Васильевича. Исаковский одобрил такое издание. Несколько позднее Михаил Васильевич предложил издать еще книгу песен. Издать две книги было, видимо, трудно, и папа написал, что их можно объединить в одну, в 1948 году вышел сборник «Избранные песни и переводы». Я думаю, что так интенсивно Исаковский не издавался в Москве. Об этом свидетельствуют гонорары. Только за 1945 год Михаилу Васильевичу было выплачено свыше 32 тысяч рублей, что было весьма неплохо по тем временам.

Рыленков Исаковскому 05.04.1945:

«Поскольку книга будет называться «Избранные стихи» – не найдешь ли ты возможным сократить раздел «Детские и юношеские стихи», а именно снять два первых стихотворения: «Просьба солдата» и «Путник».

Раздел «Из песен прошлого», на мой взгляд, в таком издании тоже вряд ли стоит давать. Уж очень они мрачны, да и художественная их ценность не велика.

Подумай об этом и напиши».

Исаковский Рыленкову 10.04.1945 года:

«Что касается твоего предложения выбросить стихи «Просьба солдата», «Путник» и «Песни прошлого», то я к этому отношусь так. Мне, конечно, не будет особенно жаль, если эти стихи будут выброшены, и я все оставляю на твое усмотрение. В свое «оправдание» я могу лишь сказать вот что. Книга «Избранных стихов» в том плане, в каком она составлена, не есть книга лучших избранных стихов. ... Что касается мрачности песен прошлого – то ведь на то они и есть песни прошлого. Что касается стихотворения «Просьба солдата», то это стихотворение мне дорого лишь как первое мое стихотворение, появившееся в печати, и кроме того, несмотря на свою подражательность, оно как-то показывает то основное, что есть в моих стихах, что пришло в них во все годы (грубо выражаясь, это простота, песенность, связь с народными мотивами и т.д.).

Короче говоря, это стихотворение как бы было началом той основной линии моих стихов, которая свойственна им и сейчас, хотя стихи теперешние и выше по качеству. Поэтому мне и хотелось бы оставить его, как отправную точку, от которой я двинулся. ...

P.S. Еще раз повторяю – делай, как находишь лучше. Право же, мне трудно решать самому. Да и настроение у меня сейчас такое (в связи с болезнью)».

Рыленков Исаковскому:

«Я боюсь, что ты подумал, будто я хочу заставить тебя снять стихи, которые ты хотел бы оставить по тем или иным соображениям. Мне просто казалось, что для тебя выгоднее начать сборник стихами более или менее самостоятельными. Стихи о родине и вождях в данном случае в счет не идут, они вне хронологической линии книги. Что же касается обработки старых народных песен – то они, на мой взгляд, ничего не прибавляют к твоему творческому облику. Подбор их случаен, художественные достоинства не велики. Твоя связь с народной песенной традицией ясна и без этих песен. Но я повторяю, ничего не хочу тебе навязывать.

Очень прошу тебя подумать об одной строке в стихотворении: «Не пойду, не пойду я к опушке». Это строка следующая: «Где оскалили зубы березы». Оскаленные зубы, на мой взгляд, никак не идут к березе».

Исаковский Рыленкову 14.06.1945 года:

«За два месяца я не написал ни одной строки, за исключением стихотворения «Слово к товарищу Сталину». Это стихотворение я дал в «Правду» и очень хочу, чтобы оно там появилось, ибо писал я его, что называется, всем сердцем. Однако они что-то медлят, (хотя и говорили мне, что стихотворение всей редколлегии очень нравится). ...

В моей книжке цикл песен о старой деревне, вероятно, лучше будет снять, как ты предлагал. Я думал еще раз над этим и пришел к этому выводу.

Что касается строки, в которой «оскалили зубы березы», то я думаю, что ее можно сделать, например, так: «Где стоят над рекою березы».

Письма – зеркало человеческих и творческих отношений поэтов, их взаимное доверие и, в то же время, показывают во многом разные пристрастия и вкусы.

В 1945 году Михаил Васильевич приехал в Смоленск в конце августа. Стояла хорошая погода. Кругом зелень, пустынно, но уже не столь страшно. Приехал с женой Лидией Ивановной. У нее была в Смоленске подруга по медфаку университета Милица Романовна, муж ее, Каплан, был очень известным в городе профессором медицины.

Война закончилась, жизнь потихоньку приходила в норму. Казалось, что все плохое уже позади. Много говорили о жизни, литературе, будущем. Папа возрождал союз писателей, отлаживал работу издательства и даже какое-то время заведовал (на общественных началах) отделом литературы и искусства в «Рабочем пути». Квалифицированных кадров катастрофически не хватало, не было помощников, все приходилось делать самому. К этому надо прибавить выступления, доклады, многочисленные командировки и т.п. На собственное творчество оставалась только ночь, на сон не более четырех часов.

Мама всегда радовалась приездам Михаила Васильевича и не только потому, что любила и уважала его, но и потому, что разговоры с ним были интересны папе и давали какое-то отдохновение от вечных забот и бесконечных проблем. Приезды Исаковского приносили радость не только родителям, но и нам с сестрой, в дом приходил праздник.

Михаил Васильевич был человеком отзывчивым, пунктуальным, никогда не забывал поблагодарить за оказанный прием и гостеприимство не только при отъезде, но и обязательно писал по приезду в Москву из дома. Так, после визита с Лидией Ивановной в Смоленск, он написал:

«До Москвы я доехал благополучно. А вот Лидии Ивановне пришлось «пострадать» – ее всё пытались высадить в дороге, т.к. у нее не было пропуска. Высадить не высадили, но в Москве в милицию свели. Всё, в прочем, кончилось благополучно».

И в последующие (сороковые) годы Михаил Васильевич часто бывал на Смоленщине и в особенности тогда, когда был депутатом Верховного Совета РСФСР. Папа же в это время депутат областного Совета, и поэтому они старались спланировать свои поездки к избирателям так, чтобы поехать вместе, побывать в округах одного и другого. Михаилу Васильевичу было удобно и интересно ездить с папой. Можно было наговориться вдоволь. Обычно после официальных выступлений читали свои стихи. Поездки случались в разные времена года, бывали и зимой. Однажды пришлось ехать в сильный мороз. Тогда еще не было меховых ботинок, и поехали в обычных. Промерзли изрядно. Это заметил один из руководителей района и приказал срочно свалить им валенки, чем они были очень довольны. Михаил Васильевич шутил: «Жаль, не сшили нам еще и по медвежьей шубе, уж в них мы смогли бы побывать во всех медвежьих углах на лошадях с бубенцами. Углы-то такие есть, а шуб – нет. Раньше на Смоленщине всякий носил овчинные шубы, а сейчас все в фуфайках ходят. А вата, как известно, спрашивает – близко ли хата. Да, надо разводить овечек». В дальнейшем Михаил Васильевич зимой приезжал, как правило, в фетровых бурках. А у папы таких никогда не было.

В сороковые годы Михаил Васильевич, если приезжал один, то всегда останавливался у нас, не мог отказать себе, как говорил он, в удовольствии пожить у нас и наговориться с папой.

Его устраивала спокойная, доброжелательная обстановка, ненавязчивая доброта, простота общения. Он себя чувствовал у нас спокойно и уютно. Но самое главное – общение с папой, те разговоры, которые они вели. Мне кажется, что, будучи не совсем здоровым, с плохим зрением, ему не хватало интеллектуального общения, особенно в области поэзии. С папой он мог говорить обо всем, не боясь, что его не поймут – и о текущих делах, и о современной жизни и, конечно, о литературе. Михаил Васильевич рассказывал папе о литературной жизни в Смоленске в двадцатые годы. Папа, обладая блестящей памятью, читал ему наизусть стихи классиков, и не только наших, малоизвестных поэтов, а порой даже куски прозы своих любимых писателей. И не просто так. Они все это обсуждали и с профессиональной точки зрения, и как читатели. Что ложилось им на души, а что нет. Конечно, папа знал вкусы и пристрастия Михаила Васильевича и в разговорах с ним отводил душу. Но это не означало, что они всегда были едины в оценках. У папы был более широкий взгляд на творчество вообще и на поэзию в частности. Михаил Васильевич не признавал, по его выражению, выкрутасов на непонятность и на упрощенное рифмоплетство, не считал отход от общепринятых форм поисками самовыражения. Его удивляла способность папы находить золотые зерна таланта у поэтов очень далеких ему, писавших в иной манере и иными средствами. Кстати, это, в свое время, поразило и В.С. Баевского.

Михаилу Васильевичу пришлось по душе дружелюбная простота отношений всех членов семьи в нашем доме. Мы всегда жили не на показ, без парадности, которая быстро утомляет всех. Он имел возможность вести себя так, как привык дома. Если хотел – мог поговорить по душам и с мамой, и с папой, если чувствовал себя усталым – отдохнуть. И это не казалось неучтивым. Иногда вечерами, если папе приходилось идти куда-то на малоинтересное для Исаковского заседание, Михаил Васильевич оставался дома и вел долгие разговоры с мамой. Чтобы не утомлять больные глаза его, мама ставила лампу в кабинет, они сидели на диване в столовой. Исаковский любил эти житейские разговоры о самом простом и разном – о детях, школе, еде и т.д. Папа как-то сказал Михаилу Васильевичу, что любит гречневую кашу с салом, хотя нравилась она ему и холодной с моло-

ком. В семье Васильевых ели ее с маоком или сливочным маслом. Он сказал, что хотел бы попробовать с салом, и еще его заинтересовали кислые щи. Родители любили эти незатейливые блюда еще со времен детства, рады были угостить и Михаила Васильевича.

У нас есть фотография с Исаковским, приехавшим в Смоленск в 1947 году. Зима. Мама очень тяжело болела – опять начался двухсторонний мокрый плеврит, мучавший ее и в Чистополе. Она не могла выходить с Михаилом Васильевичем и папой не только на улицу, но ей трудно было даже недолго сидеть и разговаривать с ними.

Михаил Васильевич решил как-то взбодрить маму, чтобы она чувствовала себя участницей жизни семьи, хозяйкой дома, без которой невозможно обойтись. И приглашает домой фотографа. Было сделано несколько фотографий. На одной из них Михаил Васильевич с папой, а между ними мама в теплом свитере и накинутом на плечи жакете – немного печальная, отстраненная и очень красивая, а на другой к ним присоединились мы с сестрой. Дома явно совсем не жарко – мы в свитерах, а у мужчин шерстяные безрукавки под пиджаками. Михаил Васильевич серьезно смотрит, а папа, углубившись в свои мысли, чуть улыбается. Очень нестандартная домашняя фотография.

Михаил Васильевич с большим участием относился ко всем членам семьи. Он не раз был свидетелем неважного самочувствия мамы, хотя она старательно его скрывала. Исаковский многократно уговаривал маму обратить внимание на свое здоровье и, видя, что ее заботит гораздо больше семья, обращался к папе, корил его, что тот не может заставить жену лечиться, давал советы относительно консультаций у врачей, настаивал на обследовании в Москве и как это устроить через Союз писателей.

Мама действительно тяжело болела (сердечные и легочные заболевания). Но она обладала очень сильной волей, не позволявшей ей раскисать, поддаваться трудным обстоятельствам и находить силы противостоять им.

В школьные годы я часто и подолгу болела. Все начиналось с простуды в период осенней слякоти. Затем следовало воспаление легких, за ним тянулся температурный хвост до весны. Порекомендовали консультацию специалистов в Москве. Запаслись всеми медицинскими документами и поехали втроем – папа, мама и я. Шел 1950 год, с гостиницами было очень трудно. Сняли через Союз писателей частную квартиру. И началось «хождение по мукам». Справкам и анализам из Смоленска не доверяли. Сама поликлиника Союза писателей находилась в полуподвале Дома Красной Армии, но ездить приходилось в самые разные места. Так анализ крови (хотя он у нас был) перепробовали почему-то в воскресенье на квартире лаборантки и, естественно, за плату и т.д.

Узнав, что папа в Москве, Михаил Васильевич пригласил нас к себе. Он очень расстроился, что папа не сообщил о приезде, так как хотел, чтобы мы жили у них. Но папа наотрез отказался стеснять Исаковых. Тогда Михаил Васильевич, как папа ни сопротивлялся, настоял на том, чтобы мы не мотались по Москве на общественном транспорте или такси, а ездили на его машине. У него был личный шофер Петя, мы хорошо его знали. Исаковский сказал папе: «Я ведь обращаюсь к тебе с разными просьбами, почему же ты не можешь поступать так же?»

Накануне нашего визита у Лидии Ивановны был сильный приступ астмы, она лежала в большой почти пустой комнате с распахнутым окном, хотя была зима. Мама обладала редкой способностью вызывать доверие совершенно разных людей без всяких расспросов и искренне сочувствовать их переживаниям.

Мы довольно долго были у Исаковых. Мама почти все это время провела с Лидией Ивановной. Лидия Ивановна не жаловалась на свое состояние, а переживала за Ми-

хаила Васильевича – как ему трудно – и сам не здоров, и нет ему отдыха ни днем, ни ночью. Стараются ее успокоить, но она ведь сама врач и знает, что у нее.

Разговор был очень тяжелым и для мамы, но она сумела вселить в больную хоть какую-то надежду. К обеду Лидия Ивановна не вставала, а вот на чай, как мне помнится, поднялась и, видимо, собрав всю силу воли, была оживленной и очень милой хозяйкой.

Я хорошо представляю, насколько мучительно было для Михаила Васильевича видеть Лидию Ивановну во время тяжелейших приступов астмы (у мамы были подобные – стенокардии). Лидия Ивановна страдала тяжелой формой сердечной астмы. Началась она, видимо раньше, но резко проявилась во время пребывания Михаила Васильевича с Лидией Ивановной на курорте в Гаграх осенью 1948 года. Вот что написал Михаил Васильевич папе 14 ноября 1948 года.

«Дорогой Николай Иванович!

Только теперь у меня явилась возможность ответить на твою и Антонова телеграмму. У меня очень тревожное положение с Лидией Ивановной, которая очень мучительно заболела в Гаграх, и ее пришлось там доставлять на поезд на носилках, а в Москве таким же способом снимать с поезда. Все праздники ей было так тяжело, что одно время уже не оставалось никакой надежды. Я совершенно сбился с ног, не спал много ночей, страшно устал и только теперь, когда наступило относительное успокоение, могу написать тебе и поблагодарить тебя и Антонова за поздравление с праздником.

Я получил авторские экземпляры своего смоленского сборника, но до сих пор, занятый аптеками и докторами, не смог даже перелистать его».

Михаил Васильевич, сам будучи не слишком здоровым, имел хорошие связи в медицинском мире и договорился с профессором в этой области не только о наблюдении за состоянием Лидии Ивановны, но и об экстренной помощи ей при приступах за соответствующую плату. Я помню, что за экстренный ночной вызов он платил 1000 рублей, а дневной 500 рублей. И это были тогда очень большие деньги.

В 1950 году предстоял юбилей Михаила Васильевича. В Смоленске его собирались отметить очень торжественно. К юбилею, помимо всего прочего, решили выпустить и его книгу (хотя, наверное, издавался он в нашем издательстве почти каждый год). 8 июля 1949 года Михаил Васильевич пишет папе:

«Сегодня получил твое письмо и решил немедленно ответить.

О сборнике, который вы замыслили в мою честь, Твардовский мне кое-что говорил и, в частности говорил о том, что в этом сборнике хорошо бы напечатать 20–30 читательских писем. Это и в самом деле хорошо.

Письма я постараюсь подобрать, хотя сделать это быстро довольно трудно. Многие письма я отдал в Государственный литературный архив, в Литературный музей и пр. ...

Гораздо сложнее обстоит вопрос с автобиографией. Дело в том, что написать сейчас автобиографию и при том довольно обширную я просто не в состоянии. Вероятно, в конце концов, придется взять ту, которая помещена в моем гослитиздательском сборнике. ...

Я довольно много работаю, но делаю все такие вещи, которые мне мало что дают. ...

В общем, написал шесть песен для кинофильма «Веселая ярмарка» (среди них есть совершенно проходные, неважные). Перевел для «Нового мира» новую поэму Кулешова «Простые люди». Перевел с украинского либретто оперы «Молодая гвардия», написанное А. Малышко (музыка Ю. Мейтуса). По объему выходит как будто не мало, а похвалиться нечем».

30 июля 1949 года Михаил Васильевич сообщает:

«Посылаю тебе во-первых, краткую автобиографию и, во-вторых, несколько читательских писем (в дополнение к тем, что у тебя уже имеются). Всего писем по моим подсчетам должно быть 26. ...

Печатать письма в небольшом количестве вряд ли имеет смысл. Уж если их печатать, то надо показать, что их много. А их на самом деле много. ...

Не знаю – как ты посмотришь на это дело, но мне казалось бы, что к читательским письмам надо дать небольшое предисловие».

3 октября 1949 года Михаил Васильевич пишет о готовности рукописи:

«Посылаю тебе несколько фотоснимков. Выбирай любой из них. Что касается моей рукописи (сборник стихов), то она готова. ...

В сборник я включил около 6000 стихотворных строк, коли это много, то около тысячи строк можно будет снять».

Пятидесятилетие Исаковского в Смоленске отмечалось широко. Было много различных мероприятий. Из Москвы приехала большая делегация писателей, некоторые (как Твардовский, Осин) были с женами. За ними из Смоленска посылали спецвагон. Большинство членов делегации поселили в гостинице. Но А.А. Сурков и Михаил Васильевич попросили разрешения остановиться у нас. Папа с Алексеем Александровичем был хорошо знаком еще с довоенных времен. Поселили их в нашей с сестрой комнате – небольшой, но совершенно изолированной, уютной и теплой. У нас еще не было центрального отопления, а в ней была печь с лежанкой, что особенно понравилось гостям. Михаил Васильевич приехал без Лидии Ивановны, так как она болела. Он тяготился предстоящими торжествами, волновался за жену, и ему не хотелось жить с остальными писателями в шумной гостинице. Наша домашняя обстановка успокаивала его.

Торжественная часть состоялась в театре. Большой зал был заполнен до отказа. Руководитель делегации А.А. Сурков сделал доклад. Это был собственно даже не доклад, а скорее рассказ о друге, поэте и человеке. Сурков был прирожденным оратором, говорил без всяких шпаргалок, хотя и довольно долго, но по существу и интересно. Такое необычное, нестандартное и наказанное выступление просто покорило зал. После торжественной части – концерт. Перед концертом устроители вечера освободили третий ряд центрального сектора партера, чтобы посадить там юбиляра с женой. Но Лидия Ивановна не приехала. И, чтобы не сидеть в одиночестве, Михаил Васильевич уговорил маму сесть с ним. «Пусть думают, что это моя жена сидит со мной». И на концерте они сидели втроем – Михаил Васильевич, мама, папа. Действительно, многие решили, что с юбиляром сидит его жена.

Потом был большой банкет. Среди множества мероприятий и встреч хочу отметить посещение приехавшими писателями школ. Это было, как мне кажется, впервые после войны. В нашей 25 школе побывали Сурков, Исаковский, папа. Это был знак благодарности маме за теплый прием. Надо ли говорить, что зал школы был переполнен. Михаил Васильевич рассказал о своей депутатской работе, потом все трое читали стихи. Там встретились трое учеников Я.И. Ильина – Исаковский, папа и Л.П. Шутилло. Михаил Васильевич пообещал прислать школе свою книгу и, как всегда, обещание свое выполнил. В первую половину пятидесятых годов Михаил Васильевич продолжил приезжать в Смоленск главным образом по своим депутатским делам и старался не задерживаться – побывает в своем округе, пару дней в Смоленске и спешил домой – у Лидии Ивановны обострилась астма. Бывали у нее и более или менее спокойные периоды, и в такое

время Лидия Ивановна и Михаил Васильевич побывали на 25-летнем юбилее окончания ею университета. Но астма прогрессировала, и Лидии Ивановне становилось все хуже. Надежд на выздоровление не осталось (она ушла из жизни в 1955 году). Папа в каждый свой приезд в Москву старался побывать у Михаила Васильевича или хотя бы поговорить с ним по телефону. Незадолго до ее ухода, буквально за несколько дней папа побывал у него с Н.С. Новиковым – старинным их другом. Михаил Васильевич был в таком отчаянии, что не мог себя сдержать и плакал. Папа говорил маме, что ему было очень тяжело и больно смотреть на Михаила Васильевича, на его отчаяние, не имея возможности помочь. А через несколько дней из дома Михаила Васильевича позвонили и попросили приехать срочно. Папа уехал ближайшим поездом, чтобы поддержать друга. Тяжело переживал и уход Лидии Ивановны, и за судьбу Михаила Васильевича. Бывал у него, часто звонил и, конечно, писал письма.

Время шло, и с ним утихала боль разлуки. Весной 1956 года папа получает от Михаила Васильевича письмо. Исаковский сообщает, что собирается приехать на Смоленщину, так как он давно там не был из-за болезни Лидии Ивановны и не один, а со своим земляком, знакомым с юности – Василием Захаровичем Смирновым, профессором, членом-корреспондентом Академии педнаук. Михаил Васильевич интересовался, не захочет ли папа тоже присоединиться к ним. Ехать собирались на машине Михаила Васильевича со всеми необходимыми вещами.

Папа дал согласие, и 29.06.1956 года Михаил Васильевич пишет из Внукова:

«Дорогой Николай Иванович!

Я (пока еще предварительно) договорился с В.З. Смирновым относительно нашей совместной поездки так:

Мы выедем в субботу 7-го июля с курьерским поездом Москва–Берлин (он, кажется, прибывает в Смоленск вечером). Следом за нами своим ходом идет автомашина ГАЗ –69-А с продуктами и прочими дорожными вещами.

Ночь с 7-го на 8-е мы проведем в Смоленске, а 8-го утром (воскресенье) едем на машине во Восточный район (через Дорогобуж, а может быть, через Ельню или Спас-Деменск – это мы там уточним). Вообще же все детали поездки мы уточним, когда встретимся с тобой. Окончательные сроки поездки я сообщу несколько позже. Но я думаю, что они не изменятся, если ничего не случится.

Пьесу твою я так и не видел. Пьесу Бодренкова передавали по телевизору, а твою почему-то нет. А мне хотелось посмотреть именно твою.

Привет Евгении Антоновне

Михаил Исаковский»

Путешествие действительно состоялось. И я бы назвала его путешествием в юность.

Михаил Васильевич и Василий Захарович приехали поздно вечером и остановились у нас. День погостили и затем следующим утром рано выехали во Восточный район и покатали по знакомым с юности дорогам. Побывали и в Ельне, где когда-то в газете работал Михаил Васильевич. Петя (шофер Михаила Васильевича) хорошо знал дороги, бывал с Исаковским почти во всех поездках по области. Машина у него была почти в идеальном состоянии и всегда на ходу. Михаил Васильевич платил очень приличную зарплату (по-моему, 1000 рублей), но больше ничего (и ремонт и горючее Петя оплачивал сам). Это было удобно Исаковскому. Отправились в путешествие с запасом всего необходимого. Михаилу Васильевичу хотелось побывать в местах своего детства и юности, а так же повидать старых знакомых. И среди них была женщина, которой увлекался

в юности, но она предпочла другого. Знал Михаил Васильевич, что она вдова, работает в школе. Заехали и к ней. Но стало очевидно, насколько они далеки друг от друга, и нет смысла здесь искать новую спутницу жизни.

Из поездки вернулись очень довольными, сделали много снимков и, как бы закончив какое-то дело, поставили точку. Василий Захарович прислал благодарственное письмо, адресованное всей семье за доброе отношение к нему и Михаилу Васильевичу.

По возвращении из поездки папа сразу начал писать небольшую повесть под названием «Недопетая песня». Закончив, он прочел ее Михаилу Васильевичу. Она ему очень понравилась, но почему-то его испугало название, и возражал против него. Но папа считал, что название отражает суть произведения и не стал менять. Папа, насколько мне известно, никогда не читал ненапечатанную прозу никому, кроме мамы. А тут прочел. Дело в том, что прототипом героя послужил Михаил Васильевич, рассказавший о себе в те годы, когда он жил и работал в районе, поездка эта была затеяна именно в связи с событиями, происходившими тогда. Конечно, это был не документальный рассказ, а художественное произведение.

Но тем не менее какие-то черты героя и обстоятельства жизни были сходными. Это признал Михаил Васильевич, сказавший папе: «Уж больно хорошо ты меня вывел». Рассказ окончательно сложился значительно позже – в феврале–марте 1964 года и впервые опубликован в газете «Литературная Россия» 3 апреля 1964 года с рисунками И. Глазунова (на мой взгляд, очень интересными).

Михаил Васильевич хотел побывать в наших краях в том же году еще раз и по депутатским делам. Отвечая на папин вопрос относительно «отчетной поездки», Исаковский написал, что «сейчас, по-моему, не стоит. Дороги очень плохие, грязные, и нам трудно придется. Я думаю, что лучше будет поехать, когда замерзнет земля – снега не будет или его будет очень мало». К тому же, Михаилу Васильевичу нужно было приготовить отчет.

В письме он затрагивает вопрос о настоящем желании Госархива литературы и искусства получить личный архив папы. Вопрос этот возникал неоднократно, но папа не стал этого делать.

Поехать с Исаковским в тот год так и не удалось. Михаил Васильевич думал перенести поездку на январь 1957 года, но были объявлены выборы в местные советы, что закрыло вопрос.

Папа редактировал все книги Михаила Васильевича, выходившие в Смоленске после войны. Исаковский был редактором двух папиных книг (больше не мог из-за плохого зрения) – «Стихотворения» (М.: «Советский писатель», 1953) и «Август» (М.: «Советский писатель» 1958).

В письме от 19.12.1957 Михаил Васильевич пишет:

«Дорогой Николай Иванович!

Сегодня закончил все формальности с твоей книгой, т.е. 1) я написал на нее аннотацию, 2) написал так называемое редакционное заключение, 3) написал одобрение (на заключение с тобой договора) и 4) еще раз (на вновь перепечатанном титульном листе) написал «В набор».

О том, чтобы договор послали тебе в Смоленск, я сказал В.А. Сурковой.

Вот и все.

Привет Евгении Антоновне

Михаил Исаковский»

Несколькими днями позже Михаил Васильевич обращается к папе с личной просьбой:

«Дорогой Николай Иванович!

В предыдущем письме я забыл спросить у тебя, кто в Смоленске председатель Горсовета (имя, отчество, фамилия). Я все-таки хочу обратиться с просьбой, чтобы Горсовет дал Лене (моей дочке) отдельную (однокомнатную) квартиру в обмен на ее комнату (у нее комната 24 м) или, в крайнем случае, помог бы обменять эту комнату на две маленьких комнаты. А то уж очень плохо Лене там жить.

Кроме того, хочу попросить у тебя совета: кому лучше написать – председателю Горсовета или, может быть, П.И. Доронину? Думаю, что просьбу мою поддержит также Сурков.

Привет Евгении Антоновне
25/XII-957 г. М. Исаковский»

В ответном письме папа дает ответы на вопросы Михаила Васильевича и предлагает переговорить с П.Е. Богдановым (тогдашним секретарем обкома по пропаганде), предугадав просьбу Михаила Васильевича в письме от 11 января 1958 о разговоре.

Михаил Васильевич, как следует из писем, очень спешил устроить Лене хорошие жилищные условия. Уже 17 января Михаил Васильевич пишет папе благодарственное письмо за оказанную помощь в квартирном вопросе, за переговоры с Богдановым и Ребриком (председателем Горсовета). Но основная часть письма посвящена попыткам перевода современных итальянских поэтов на русский язык, хотя без знания языка это трудно, и возможны всяческие ошибки. (Михаил Васильевич побывал в Италии в составе делегации советских писателей – Твардовского, Ахматовой, Слуцкого – остальных не помню). Михаил Васильевич дает характеристику этих современных стихов.

Они «производят на меня весьма странное впечатление и прежде всего потому, что стихи принципиально не рифмованные (а ведь когда-то итальянцы писали в рифму). Затем это стихи тонические. При таком положении чередование ударений в стихе – самое произвольное. Ударения ставятся где попало, строки попадают (в одном и том же стихе) то короткие, то очень длинные и т.п. Все это, по-видимому, делается потому, что итальянцы хотят быть оригинальными: мол в рифму – это старо, писать правильным классическим стихом – тоже старо, будем лучше писать вольным стихом (вернее произвольным) и без рифмы, эта форма будет оригинальной, новой. Однако, мне кажется (хотя я, может быть, и ошибаюсь), это не есть настоящая оригинальность, не есть новая форма, это начало распада поэтической формы вообще. Вот в чем дело. А жаль. В Италии много талантливых поэтов».

В конце марта – начале апреля в Смоленске состоялась какая-то встреча комсомольцев разных поколений. Михаила Васильевича пригласили на нее. Поселился он в гостинице и появился у нас совершенно неожиданно для мамы без предупреждения. Выглядел он помолодевшим, легко взлетел на наш второй этаж, опередив своих спутников – комсомольцев (молодых и не очень). Был веселым, остроумным, оживленным. Попытался даже помогать маме накрывать на стол. Был в ударе, сыпал шутками и был похож не на мэтра, а на старшего товарища. Папа после этого визита долго удивлялся такой перемене в Михаиле Васильевиче и говорил маме, что он как будто сбросил с плеч два десятка лет.

С квартирным вопросом все складывалось удачно, и Михаил Васильевич успокоился на этот счет.

Но после отъезда из Смоленска от него пришло письмо:

«Дорогой Николай Иванович!

К той истории, о которой я хочу написать тебе, ты, конечно, не имеешь отношения. И если я пишу тебе о ней, то только потому, что, может быть, ты сможешь разобраться мне, в чем же тут дело, что произошло.

Ты наверно, помнишь, что когда я приехал в Смоленск, то ты сообщил мне, что, по имеющимся у тебя сведениям, Горсовет собирается удовлетворить мою просьбу (квартирную) в ближайшее время. О том же самом мне на другой день говорил и П.Е. Богданов, когда я лежал больным, и он сидел у меня в гостинице. (Это было 5-го апреля.) Однако, оказывается, что еще 2-го апреля Горсовет послал мне письмо, в котором он говорит, что удовлетворить мою просьбу не может, т.к. в городе тяжело с жильем. А ведь просил-то я прибавить всего 8-10 метров (к тому, что есть) и сделать так, чтобы это была отдельная квартира. На худой конец можно было ничего не прибавлять – просто дать отдельную квартиру такой же площади, какая есть у Лены, но только отдельную. Вызвано это болезнью Лены, ее нервозностью и прочими вещами, о которых нет смысла говорить сейчас.

И видишь ли, в чем дело. У Лены очень трудная и невеселая судьба. Мне хотелось что-то для нее сделать, как-то устроить ее хоть немного. А то висит у меня на шее огромная тяжесть, которая очень и очень связывает меня.

Впрочем, я, кажется, заговорился. В общем же я получил отказ. Он подписан так: зампреда исполкома горсовета Васильев. Это на машинке. А подписал, если я правильно прочел, не Васильев, а Солдатов. Все произвело на меня самое удручающее впечатление. И письмо-то я получил сразу по приезде из Смоленска. Вышло как-то так, что меня пригласили в Смоленск, носились там со мной, окружали почетом, говорили обо мне всякие лестные слова, а потом ни с того, ни с сего дали по морде и спустили с лестницы. Это очень обидно. И хотя я понимаю, что город Смоленск как таковой здесь ни при чем, но все же мне как-то уже не хочется ехать туда, делать там что-либо, может, все это выходит по-ребячески, но именно такие чувства владеют мною.

Написал я письмо Богданову. Не знаю, что он ответит и ответит ли.

Если ты что-либо узнаешь – напиши. В этом и заключается моя просьба к тебе.

Относительно поездки в Смоленск на семинар. Скорее всего, я не поеду. Причины тут разные. Тут и обида на Смоленск, о которой я только что сказал, и то, что чувствую себя довольно скверно. Постарался и оргкомитет Союза пис. РСФСР. Я просил прислать мне очень небольшое количество стихов какого-либо автора. А мне прислали такую груду, прочесть которую я даже физически не в состоянии.

В общем же, видишь – я очень скверно настроен, письмо получается какое-то странное. Поэтому лучше уж прекратить его.

Сердечный привет Евгении Антоновне. Я прошу у нее прощения, что пришлось нагрянуть на Ваш дом такой оравой. Правда, случилось это не по моей вине, но все же...

8 апреля 1958 года М. Исаковский»

На поэтический семинар Михаил Васильевич так и не приехал. Квартирный вопрос разрешился вполне благополучно. Е.М. Сальникова получила хорошую благоустроенную квартиру в центре города. Но папе пришлось по этому поводу серьезно говорить в соответствующих инстанциях. Михаил Васильевич мог вздохнуть с облегчением.

1958 год ознаменовался еще одним событием в жизни Михаила Васильевича – вступлением в новый брак. Об этом папа узнал, наверное, самым последним – от А.А. Суркова. Он позвонил поздним вечером и сразу же спросил папу: «Тебе говорил

Михаил Васильевич, что собирается жениться и на ком? Со мной он не советовался, а с тобой?» Папа очень удивился, так как Михаил Васильевич никогда даже не намекнул на свое решение. А ведь они с Алексеем Александровичем были самыми близкими его друзьями и несли в какой-то мере ответственность за его судьбу.

Лидия Ивановна, женщина умная и проницательная, изнуренная многолетней тяжелой болезнью и будучи сама врачом, хорошо понимала, что она безнадежно больна и в последние месяцы жизни написала мужу длинное письмо – свое завещание ему. Михаил Васильевич прочитал его Алексею Александровичу и папе, но не все, а только часть, касающуюся дальнейшей его жизни. Лидия Ивановна понимала, что один он не сможет жить и по своему нездоровью, и по тоске о близком человеке, и по неприспособленности к житейским делам. Хотела оградить Михаила Васильевича от неприятностей. Поэтому она написала – женись. Но прежде просила посоветоваться с Алексеем Александровичем и Николаем Ивановичем. Оба они скажут правду о твоём выборе.

Есть люди, ищущие в браке не теплых доверительных отношений, не заботу о близком человеке, а выгод для себя – материальных, повышения своего статуса, славы и других корыстных побуждений. Михаилу Васильевичу нужна была заботливая жена – мать – нянька, понимающая его и готовая на такую роль. В этом была суть пожеланий Лидии Ивановны. В тот приезд в Москву (на похороны Лидии Ивановны) папа и Михаил Васильевич много и подолгу говорили. В тяжелый для Исаковского период папа пользовался любой возможностью побывать у друга и поддержать его. Сурков, живший на одной площадке с Михаилом Васильевичем, тоже помогал ему справляться с горем. Разумеется, ни папа, ни Алексей Александрович не собирались его женить по собственному вкусу. Но у них был нравственный долг перед Лидией Ивановной – уберечь Михаила Васильевича от опрометчивого шага. Но, к великому сожалению, не смогли.

Его выбор поразил всех друзей Михаила Васильевича. Папа был страшно огорчен – не самим фактом женитьбы – это было естественно и неизбежно в его положении, а тем, кого он выбрал в качестве спутницы жизни. Это был нравственный удар по папиным представлениям об этике товарищества. Антонина Ивановна ушла к Исаковскому от старого знакомого его – Д. Осина.

Что Антонина Ивановна сделала это из корыстных побуждений, ясно было всем окружающим. Хорошо, хотя может быть грубо, это высказал Твардовский: «Я понимаю, что Митька (Осин) не мед, его характер известен. Но до сих пор он ее устраивал – зарабатывал хорошо, и квартира, и машина, и курорты – все было. Но не было славы, а ей нужна была слава. А у него ее нет. Я понял бы ее и даже одобрил, выйди она за красивого летчика, а то вышла за некрасивого старика, которому нужна нянька. Пошла ради повышения над другими».

Конечно, папа вряд ли смог что-то изменить (как и Алексей Александрович), но и не сказать Михаилу Васильевичу о непорядочности его поведения не имел морального права и все высказал. Это был долгий и нелюбезный разговор для Исаковского и очень тяжелый для папы. Он искренне любил и уважал Михаила Васильевича, но никак не мог одобрить его поступок. Конечно, Антонина Ивановна довольно агрессивно действовала, добиваясь своей цели, но ведь и Михаил Васильевич был далеко не мальчик. Папа же, как человек постоянный во всех своих привязанностях, остался верен дружбе, но чувство горечи за его поступок в душе осталось.

В конце октября папа получил письмо от Михаила Васильевича, который отдыхал с новой женой в Карловых Варах. Приведу отрывок его, касающийся Б. Пастернака.

«Узнал сегодня, что Пастернаку присудили Нобелевскую премию. Думаю, что это дело возмутительное. Ведь присудили-то, главным образом, за «Доктора Живаго» (без этой книги премии не дали бы). А ведь «Доктор Живаго» – это книжка контрреволюционная, антисоветская. Написана в художественном отношении она плохо. Значит, премию дали не за художественные качества. В общем, это очередной выпад против нашей страны. Скверна здесь роль Нобелевского комитета, но скверна роль и самого Пастернака. Одним словом все это меня возмущает».

Папу очень огорчило это высказывание Михаила Васильевича, а маму просто возмутило. Я не могу сказать наверняка, читал ли Михаил Васильевич роман Пастернака, но думаю, что нет – роман не был у нас издан, его напечатали в очень ограниченном количестве для служебного пользования. К тому же Михаил Васильевич из-за плохого зрения прозу читал очень редко. Да и не любил он Пастернака. Тогда широко пользовались удобной формулой: «не читал, но знаю».

В 1959 году Михаил Васильевич впервые приехал в Смоленск с новой женой в феврале на папин юбилей. Жили они в гостинице Смоленск (сейчас там арбитражный суд). Выглядел помолодевшим. Торжественная часть проходила в актовом зале мединститута (сейчас филармония). Мы зашли за ним и удивились, что Михаил Васильевич был в модных узких туфлях, хотя стоял изрядный мороз. Михаил Васильевич на вечере много и хорошо говорил о папе как писателе и человеке, а под конец трижды поцеловал, приговаривая: «Этот от Союза писателей, этот от союза читателей, этот от меня лично». На следующий день после городских торжеств друзья папы собрались у нас дома. Было человек двадцать, а может быть и больше – сколько могло вместиться в нашей 22-метровой комнате. Исаковский заряжал своим хорошим настроением всех. Был бодр, остроумен. В тот год у нас оказался хороший урожай комнатных лимонов, выращенных мамой из «павловских» саженцев, присланных из Горького. Михаил Васильевич требовал, чтобы маме присудили высокую награду за такой труд. А лимоны действительно были хороши. Такого аромата у покупных не бывает.

Мама побывала у Исаковских после смерти Лидии Ивановны дважды – с папой во время одного из съездов писателей, и после его ухода из жизни мы с мамой приезжали на заседание комиссии по литературному наследству, и оно проходило дома у Михаила Васильевича (он был председателем ее).

В один из съездовских дней вторая половина дня оказалась свободной, и Михаил Васильевич, который давно хотел встретиться с ними, пригласил к себе на дачу во Внуково, которую называл латифундией.

Почти сразу после войны (в конце 1945 или начале 1946 года) писателям выделили участки земли под дачи во Внукове. Твардовский, насколько я знаю, уговорил Михаила Васильевича тоже взять землю. Вот что он писал 31 мая 1946 года папе по этому поводу:

«Влез в одно муторное дело. Собрался строить дачу. Потратил на это уже около трех месяцев, но еще ни одного кола не вбито. Даже участка, собственно говоря, нету. Все так трудно и сложно».

Но дело все же двигалось, и, как мне кажется, не так уж плохо. 31 июля он пишет: «Я совершенно запутался во всяких строительных делах и забросил все остальное. Живу сейчас не в Москве, а на даче во Внукове. (...) Все это очень беспокоит и хлопотно и не будь Саши Твардовского, который несет на себе главную тяжесть, то давно все бросил бы, а вернее всего и не начинал бы.

Впрочем, мы добились уже кое-каких практических результатов. Мы поставили два маленьких (однокомнатных) финских домика, где и обитаем. В настоящее время взялись за постройку уже более солидных бревенчатых домов. Возможно, что поставить их нам тоже удастся, но совершенно очевидно, что к осени я останусь без копейки денег и с большой задолженностью. Поэтому книжка переводов, о которой ты пишешь, была бы для меня очень кстати. Это тем более так, что ничего своего в будущем году я издать не сумею».

Дачу достроили уже к сезону 1947 года, и на ней, правда много позже, родители побывали.

Михаил Васильевич прислал за ними машину, за рулем которой по-прежнему был Петя.

Хороший солнечный день. Михаил Васильевич был очень рад приезду дорогих гостей. Основную часть участка Исаковского занимали деревья, и лишь небольшая доля земли была отведена под цветы и грядки. Кроме дачи на участке был финский домик и гараж.

Михаил Васильевич рассказывал о разных перипетиях при строительстве дома, как хорошо здесь после шумной Москвы, какая здесь тишина, но его явно угнетало одиночество – редко заходят к ним желанные люди, а больше случайные, мимоходом. Чтобы дать Михаилу Васильевичу выговориться, мама пошла на кухню к Антонине Ивановне помочь с приготовлением обеда. И здесь произошел у нее не очень приятный разговор.

Антонина Ивановна начала рассказывать маме, что всю работу по дому и кухне ей приходится делать самой. У Исаковских при жизни Лидии Ивановны была домработница Ксения из Смоленска, которую они пригласили к себе после смерти ее хозяйки и подруги Лидии Ивановны Милицы Романовны. Но Антонина Ивановна, как только стала хозяйкой, сразу же уволила ее. Значит, она была ей не нужна.

А потом пошли жалобы на Михаила Васильевича, что он ничем не помогает ей – даже вилку, если ее нет у прибора, сам не возьмет – подай. И вообще ведет себя так, что она обязана обихаживать его, а кто будет заботиться о ней, его не беспокоит.

Мама слушала – слушала и взорвалась. Ее возмутило такое отношение к Михаилу Васильевичу. Слишком хорошо она знала характер Антонины Ивановны еще с довоенных времен, когда та была женой Осина.

Мама была очень сдержанным и тактичным человеком. Но здесь она не могла не ответить на столь бездушное отношение к Михаилу Васильевичу. Вот что она писала об этом разговоре: «Вы же знали, что выходя замуж за больного, полуслеплого человека, если привлекал вас он сам, то должны быть не только преданной женой, оберегать его покой, помогать хоты бы как врач, но и стараться поддерживать его духовные силы, уважать и понимать его неординарность. Ведь он же поэт, и близкий человек, внимание и понимание ему необходимы. Да, вы должны быть для него и матерью (это слово относится не к возрасту, а к душевности), и нянькой, и женой, и подругой. А Вы что хотите – улыбаться на высоких приемах (Ах, как я высоко забралась)? Вы это высказали соседке по этажу – жене друга Михаила Васильевича. Вы лишили его друзей и, тем самым, обрекли на одиночество. Одна отдушина у него осталась – письма».

Я думаю, что Антонина Ивановна не рассказала Михаилу Васильевичу о разговоре с мамой, не посмела, зная, как он относится к ней, как высоко ценит ее порядочность и ум, но затаила к ней недоброе чувство.

На людях Антонина Ивановна проявляла заботу о Михаиле Васильевиче и часто так навязчиво, что возникала мысль о фальшивости ее. Однажды на приеме в Кремле мама с Михаилом Васильевичем, которому трудно было долго стоять, сидя на маленьком диванчике, пили кофе. Чашечки были малюсенькие. Михаил Васильевич обратился к маме: «Женя, а не выпить ли нам еще по одной?» Мама ответила: «С удовольствием». Кофе действительно был превосходным. Исаковский встал и направился к столу. И тут же подскочила Антонина Ивановна, схватила за рукав: «Миша, ты можешь споткнуться, прольешь кофе себе на руки». Михаил Васильевич резко покраснел и сердито сказал: «Оставь меня в покое, я не маленький». И принес кофе, не пролив ни капли.

Возвращаясь в 1959 год, надо отметить, что Михаил Васильевич стал гораздо активнее участвовать в поездках. После папиного юбилея в мае ездил в Киев. Там у него случилось кровоизлияние в глаз, что сказалось на ухудшении и без того плохого зрения.

17 августа он пишет:

«Дорогой Николай Иванович!

Большое тебе спасибо за двухтомник, который я получил на днях. Конечно, весь его я не сумел пока пролистать из-за своих скверных глаз, но основательно полистал. По-моему, двухтомник получился очень интересным, по содержанию очень хорошим, солидным по форме, по своему виду. Так что все отлично. (...)

Живу я во Внуково. Погода стоит хорошая. Так что в этом смысле не жалею. Но вот работает плохо. Да знаешь, и глаза у меня все-таки никуда не годны. Так мне плохо, так плохо.(...) Но даже самые близкие люди (м.б., кроме жены) не понимают этого. В их представлении я человек, который видит несколько хуже, чем нормальные люди. Но ведь дело-то гораздо сложнее, гораздо хуже».

1959 год был юбилейным годом А.В. Кольцова – 150 лет со дня рождения. Михаилу Васильевичу предложили написать о нем статью (в «Правду»). Он пишет папе, что это ему не по силам – читать уже не может. Писать немножко может, но чтобы написать статью, этого мало, так как необходимо перечитать Кольцова, которого он давно не читал. Папа, как и Михаил Васильевич, можно сказать, вырос на стихах его. Кольцов и Никитин были первыми поэтами, с которыми он познакомился, благодаря отцу лет с двух-трех. Он посвятил ему в этот год стихотворение «Открою я томик Кольцова».

Однако Михаил Васильевич, несмотря на сетования на состояние здоровья, решается на длительную туристическую поездку (24 дня) в Италию и Францию (по 12 дней в каждой). Эта поездка оказалась другой (хотя, по уверениям Михаила Васильевича, второстепенной причиной) отказа написать о Кольцове. Туда отправилась очень небольшая группа писателей – Леонов, Федин, Сурков, Бажан и Исаковский (все с женами). Михаил Васильевич предполагал, что она будет для него последней (по состоянию здоровья, зрения). Из Парижа он присылает следующее письмо на фирменном бланке отеля «Bedford».

«Париж, 28/X 959

Дорогой Николай Иванович!

Пишу тебе аж из самого Парижа, куда судьбе было угодно завести меня.

Здесь конечный пункт нашего путешествия, отсюда через несколько дней (а точнее – 3 ноября) мы вылетаем в Москву. Проехали мы много разных мест и городов, многое видели. Я, правда, видел меньше всех (по крайней мере раз в 10) из-за своей слепоты, но все же кое-что видел. И за это благодарен судьбе. До Вены мы ехали поездом (есть прямой вагон Москва–Вена). Сутки жили в Вене, а затем поездом доехали до Венеции.

Потом уже переезжали на автобусе. ... Были в Вероне, в Равенне (в частности там видели могилу Данте, а также легендарную могилу Джульетты). Попутно, на короткое время останавливались в других городах – например, в Ферраре и др. На автобусе мы доехали до Флоренции, оттуда поездом в Рим. После Рима поездом же приехали во Францию – в Ниццу (из Ниццы ездили в Монте-Карло). Оттуда началась наша автобусная поездка по Провансу – города Арль, Ним, Авиньон и др. Заезжали мы даже в город Тараскон, откуда якобы происходил небезызвестный Тартарен. Вечером поездом приехали из Авиньона в Париж.

Как видишь, путешествие большое, видели много интересного, и все же в душе живет такое чувство, что надо скорее домой, что Родина лучше, несмотря ни на что. И хочется поскорее в обратный путь. Тут, правда, сказывается еще и усталость – все-таки трудно путешествовать в таком темпе, особенно, если принять во внимание мой возраст и мое здоровье. Но тут уж ничего не поделаешь: коль заплатил деньги, то выполняй программу Интуриста и никаких гвоздей. (...).

Из-за нелетной погоды группа провела в Париже лишних три дня.

После поездки Михаил Васильевич сразу же заболел. Конечно, поездка была очень интересной. Но, как мне кажется, неосторожно было соглашаться на нее по состоянию здоровья. Хотя Михаил Васильевич вполне выдержал ее физически, но творчеством практически заниматься не мог (впрочем, он и без того писал мало).

В начале следующего года Исаковскому исполнялось 60 лет. В связи с этим Михаил Васильевич обращается к папе с просьбой переговорить с начальством, чтобы в Смоленске не устраивали юбилейных торжеств, так как он не только не хочет, но и не может. Объяснял он это разными причинами, в том числе физической усталостью, нездоровьем и т.д. Ведь он, помимо всего прочего, совершил очень трудную поездку по Смоленской области перед выборами в Верховный Совет РСФСР, после которой в Киеве у него случилось кровоизлияние в глаз. Поэтому он не хотел «испытывать судьбу». Думаю, что немалую роль здесь сыграла и поездка за границу, на которую подвигла его Антонина Ивановна. Но и выдержать юбилейные торжества тоже нелегкая задача. Запланированные торжества, по крайней мере, масштабные, отменили.

После юбилея Михаил Васильевич пишет папе:

«Дорогой Николай Иванович!

Прежде всего я хотел бы от всей души поблагодарить тебя и всю твою семью за поздравления, за те добрые чувства, которые были выражены в них. Поверь мне: очень дороги были слова, полученные (если так можно выразиться) именно от тебя.

Но это не все. Оказывается, ты совершил настоящий подвиг: ты ведь написал еще три или даже четыре статьи обо мне для разных изданий: газет и журналов. Это очень трогательно, и я никак не могу пройти мимо этого. И потому еще раз говорю тебе самое сердечное, самое искреннее спасибо.

И тут я немножко отвлекаюсь. Это, впрочем, не относится к твоим статьям, а вообще к статьям, в которых меня так или иначе хвалят. И это началось не сейчас, а идет уже давно. Ты знаешь, когда меня начинает кто-либо хвалить, я чувствую очень большое неудобство. И пойми меня, что это не кокетство. Это совершенно серьезно. Я-то ведь знаю, что именно я сделал в жизни. И не могу себя переоценивать».

В конце 1960 года вышла папина книга «Корни и листья», и, как обычно, он послал ее Михаилу Васильевичу. Вот как он откликнулся 31 января 1961 года.

«Дорогой Николай Иванович!

Получил твою книжку «Корни и листья». Большое тебе спасибо за подарок. По-хорошему завидую тебе, что так плодотворно работаешь. А вот у меня, как это ни грустно, дело не движется. Главная причина – очень плохо с глазами. Работать для меня сейчас (читать, писать и пр.) это все равно как если бы человека, у которого поломаны руки, заставить таскать тяжелые чемоданы. Все это, конечно, кладет свой тяжелый отпечаток и на настроение. И становится все трудней.

Познакомиться со всеми твоими стихами я еще не успел. Но кое-что Антонина Ивановна мне прочла. Прочла, в частности, «Сон в летнюю ночь». Ты знаешь, я не люблю белых стихов. Но у тебя это написано очень хорошо и совсем забываешь, что это белые стихи. Впрочем, нет, не все белые стихи я не люблю. У Пушкина белые стихи прекрасны. Или вот у Леси Украинки «Лесная песня» в основном тоже написана белыми стихами. Но как это хорошо! (...) Так что, очевидно, дело не вообще в белых стихах, а в качестве их, в том, как они написаны и о чем написаны.

Еще раз спасибо тебе за присылку книжки и за хорошие стихи».

Эта книга была выдвинута на Ленинскую премию за 1962 год. Михаил Васильевич откликнулся письмом 3 февраля 1963 года.

«Дорогой Николай Иванович!

Из печати вышел мой двухтомник. Посылаю его тебе одновременно с этим письмом. И хочу тебе еще раз сказать большое спасибо за твою обстоятельную хорошую статью.

Рад я, что твою кандидатуру выдвинули на соискание Ленинской премии. Я тут даже написал небольшую статейку о твоей книжке «Корни и листья». Написать меня просила редакция газеты «Литература и жизнь», а потом звонили по тому же поводу из «Рабочего пути». Но был очень болен и сразу же не мог откликнуться ни на первую, ни на вторую просьбы. И только спустя месяц я кое-что написал. ... Поэтому статейку свою отдал в «Правду». Мне позвонил Н.А. Абалкин, сказавший, что на этой неделе (...) статейка моя будет напечатана. ...

Верь мне или не верь, но мне так хотелось что-либо сделать для тебя, что просто трудно выразить. А тут мне подставили ножку... Но как-то нехорошо поступила «Правда». Вообще – нехорошо и с тобой и со мной».

Михаил Васильевич передал статью в «Сельскую жизнь», где она и была напечатана. В «Правде» 07.02.1963 и в «Рабочем пути» 09.02.1963 статьи тоже появились. Труд Исаковского не пропал даром. А папа так и не получил премию. (Ее «дали» белорусскому поэту Петрусь Бровке. Он просил у папы прощения за свои неэтические действия в комитете по Ленинским премиям.)

В 1962 году папа осуществил мечту своей студенческой юности – сделал пересказ «Слова о полку Игореве». Шел он к нему долго, но сделал очень быстро и действительно точно уловил «дух» этого произведения. Михаил Васильевич писал ему 2 октября 1962 года:

«О том, что ты перевел (или пересказал стихами) «Слово о полку Игореве», я знаю. И отрывок, напечатанный в «Литгазете», я читал. По-моему, у тебя это хорошо получилось. Впрочем, иначе и не может быть «Слово» – оно как бы созвучно всей манере твоего письма, и твой «пересказ» должен получиться хорошим.

Где печатать твой «пересказ» «Слова». Да, по-моему, его напечатает любой журнал, в какой бы ты ни послал. (...)

В Москве недавно закончился пленум правления Московского отд. Союза писателей, посвященный «молодой литературе». Я на нем не был (...), но, вообще говоря, я не понимаю, что у нас делается с этой самой «молодой литературой» (вернее – с «молодой поэзией» – я имею в виду, главным образом ее). По-моему, делается что-то неправильное. Во-первых, неизвестно зачем так надо с ней носиться, как носятся некоторые. Во-вторых, нельзя зачеркивать все, что было до этой самой «молодой поэзии» и что есть сейчас (кроме ее самой). И в тоже время есть такая тенденция все отбросить, кроме там Евтушенко, Вознесенского и др. «молодых».

Полный стихотворный пересказ появился в «Литературной России» в декабре 1962 года и вызвал поток писем буквально со всей страны и даже из-за рубежа.

Исаковские решили сменить свой «газик» на новую машину – «Волгу». Но купить ее просто так, за деньги было практически невозможно. Требовалось разрешение. Михаил Васильевич свой ГАЗ-69-А подарил Угранскому району. Машина находилась в очень хорошем состоянии, ей приобрели даже новый комплект колес. При том бездорожье, существовавшем тогда, это был просто дар небес. Михаил Васильевич вместо подаренной машины просил разрешения продать ему «Волгу». Согласие дали, но дело не двигалось. Секретарем обкома тогда был Абрагимов (до этого бывший послом в Польше). Михаил Васильевич жаловался папе, что не на чем ездить на дачу, да и в городе по разным делам. Папа на встрече с Абрагимовым рассказал о затруднениях Исаковского. И дело быстро продвинулось к финалу. В самом конце 1962 года ее нужно было срочно оформить и забрать. Все прошло успешно. Михаил Васильевич пишет папе по этому поводу (и не только):

«Я очень и очень благодарен тебе за все. Мне жаль, что в Смоленске я побыл лишь одни сутки и не сумел поговорить с тобой как следует».

Далее Исаковский опять говорит о положении в поэзии, что уж очень легко «делаются» поэты, что в поэзии появляется откровенный формализм и стихи, которые сложно понять. Он соглашается с папой, что нельзя и не нужно запрещать те или иные течения в литературе административно, но нельзя «все принимать» и настаивает на критике не только умной и серьезной, но главным образом твердой и резкой. А затем возвращается к сборнику «Рябиновый свет»: «Еще раз хочу сказать тебе о твоей книжке «Рябиновый свет». Мне она очень понравилась. Чем дальше, тем все больше совершенствуются твои стихи. Я бы сказал так, что они хороши не только по форме и содержанию, но в их содержании почти всегда заключается какая-либо интересная глубокая мысль. Одним словом, ты все время идешь вперед и вперед, и это радостно.

9 января 1963 г. Твой Исаковский»

Осенью 1963 года в Смоленске торжественно отмечали двадцатую годовщину освобождения. На нее приехало много гостей и в том числе Исаковские, Новиковы, Твардовский. Это было очень невеселое время для нас – тяжело болел мамин брат, надежды на выздоровление не было. К нам зашли Исаковские (Михаил Васильевич и Антонина Ивановна) и Новиковы (Николай Сергеевич и Зоя Максимовна). У мамы после звонка из больницы случился тяжелый сердечный приступ, и она вынуждена была покинуть гостей. Михаил Васильевич, заметив, что мама долго отсутствует, спросил, что случилось, и папа рассказал. Гости вскоре ушли. Дядя умер в ту же ночь. Михаил Васильевич, узнав об этом, старался в письмах утешить. Первого октября он писал папе:

«Как Евгения Антоновна? Все также тяжело переживает смерть брата или хоть капельку начинает поправляться от потрясения? Я еще раз советую тебе положить ее в Москве в больницу для самого детального обследования и, конечно, лечения».

В «Воениздате» выходит книжечка «Солдаты той войны». Исаковский пишет 1 ноября о ней:

«Получил твою книжку «Солдаты той войны». Спасибо, что прислал. Книжка эта хороша не только потому, что (как ты пишешь) издана большим тиражом (150000). Тираж хороший – это само собой. Но она определенно хороша и по своей внутренней сути, по подбору стихов, каждое из которых (стихотворений) представляет из себя определенную поэтическую ценность».

Большую часть 1964 года Михаил Васильевич провел в больнице и санатории «Барвиха». Обнаружились неполадки с легкими. Из Барвихи он пишет письмо, в котором благодарит папу за книгу (видимо, детгизовскую). Хотел бы ответить тем же, так как у него, наконец, вышла книжка в «Советском писателе» (подарочное издание), но ее у него пока нет. А после санатория ему предстояла вновь больница, а потом дача. Заниматься творческой работой не было сил.

Шестидесятые годы у папы были очень плодотворными в творческом плане, хотя общая нагрузка была колоссальной. Он словно спешил реализовать все, что накопилось в душе и требовало выхода. А накопилось столько, что нужен был не один десяток лет.

Михаил Васильевич пишет ему в письме от 30.07.1965:

«Я давно уже получил твою детгизовскую книжку, да все не смог написать тебе, сказать спасибо. Книжка получилась хорошая – и изящная и в тоже время солидная. И то, что в ней напечатаны и стихи и проза – только хорошо. Больше разнообразия, больше интереса. Понравился мне твой очерк «На озере Сапшо» (в «Знамени» №7). Там, правда, есть некоторые неточности, но это не играет роли. Но знаешь, какое чувство вызывают у меня подобные очерки? – Чувство жалости к тому, что один за другим погибают замечательные уголки природы, где она еще сохранилась в своей первозданной красе».

12 августа 1965 года: «Хочу тебя поблагодарить за присылку книги «Пятое время года». Спасибо. Очень я – очень по-хорошему – завидую тебе, твоей работоспособности, твоей энергии».

Что касается моей персоны, то мне опять (в срочном порядке) предложили лечь в больницу, что я, наверно, завтра и сделаю.

Но так мне все это тяжело, что и сказать трудно (...).

Я, конечно же, ничем сейчас не могу заниматься. Очень как-то невесело».

В 1966 году в серии «Библиотека поэта» вышла книжка Михаила Васильевича. Папа, естественно, сразу же внимательно просмотрел ее и несколько удивился подбору произведений. Михаил Васильевич отвечает ему: «Действительно в моей книжке (...) нет кое-чего такого, что надо было включить, а есть такое, без чего книга могла бы обойтись». На этот том папа написал рецензию.

Исаковский пишет ему: «Прочел я в «Правде» твою рецензию на мою книгу и хочу сказать тебе большое спасибо за твои добрые слова обо мне».

Говоришь ты такие слова не впервые и поэтому они еще ценней. ...Я все время во Внукове. ...Занимаюсь я тем, что пытаюсь приготовить к печати свой четырехтомник. (...) мне еще зимой говорили, что есть решение о таком издании. Но я пока еще почти ничего не сделал. Очень трудно мне заниматься подготовкой четырехтомника и по состоянию здоровья и потому что маловато у меня материала. Поэтому, вероятно, придется включить то, что раньше не печаталось и не предполагалось печатать».

Осенью 1965 года в Коктебеле папа переболел воспалением легких, которое приняли за грипп и не долечили. Вернувшись домой, он выглядел каким-то необычно устав-

шим, не отдохнувшим, как в прежние годы. И сразу же начался круговорот бесконечных дел и поездок по делам Союза в Москву и другие города, от которых по своей обязанности не мог отказаться. Тяжелым ударом для него стала смерть А. Ахматовой. Ценил он ее очень высоко, считал одним из лучших поэтов двадцатого века (входила в первую пятерку). И поэтому, хотя чувствовал себя неважно, согласился возглавить делегацию писателей на ее похоронах. Был март, холодно, произносил прощальную речь на улице без шапки. В том же году он посвятил Анне Андреевне короткое, но совершенно блестящее стихотворение «На смерть А. Ахматовой» и один из четырех лирических этюдов под общим названием «Вторая жизнь поэта». Как руководителю делегации папе не позволили присутствовать на отпевании Анны Андреевны, и он очень жалел об этом.

К пятидесятилетию октябрьских событий папа получил свой первый орден – Трудового Красного Знамени. Михаил Васильевич поздравил его с этим событием:

«Дорогой Николай Иванович!

Только что узнал (через Поздняева), что ты награжден орденом Трудового Красного Знамени. Я искренне рад этому и от всей души поздравляю тебя. Я уже много раз думал, что ты давным-давно заслужил орден и даже, м.б., не один, но все у тебя как-то выходило шиворот навыворот. И поверь мне, я всегда очень был огорчен твоими «осечками», хотя и не говорил никому об этом. Надеюсь, что хоть теперь ты «попал на орбиту», и все у тебя пойдет по-другому. Ты еще достаточно молод, у тебя много сил и ты сможешь многое еще сделать и это сделанное тобой не останется незамеченным. Еще раз искренне, от всей души поздравляет тебя и Антонина Ивановна, которая в данном случае во всем согласна со мной. Будь здоров.

2/XI-967 твой М. Исаковский»

Да, так называемые «осечки» с точки зрения «властей предержавших» были и не раз, так как он мог выразить «собственное» мнение вопреки им, как, например, быть единственным проголосовавшим против исключения человека из партии или устроить демарш первому секретарю Союза писателей Г.М. Маркову за кулуарные игры в президиуме высокого собрания и выйти из него и т.д. С точки зрения папы это было необходимостью для порядочного человека, сохранением своего достоинства и чести.

Немало неприятных минут принесло папе и руководство делегацией писателей во время декады русской культуры в Латвии. Папе очень не хотелось быть руководителем, но это была настоятельная просьба принимающей стороны, и пришлось согласиться.

Последние годы папа, оставив работу в смоленском отделении союза писателей, стал зимой ездить в Малеевку – поработать и отдохнуть. На этот раз он собрался писать эссе о Коктебеле – его давней и неизменной любви – и к месту и поэту. Перед поездкой в Малеевку самочувствие папы было не очень хорошим. Побывал у врачей, и рентгенологу не понравился его снимок легких. Посоветовал обследоваться в Москве.

Работа над эссе началась перед отъездом и закончилась в Малеевке. «Коктебельская элегия», как и «Слово о полку Игореве», была настолько выношена в душе, что писалась легко и быстро. А потом было неутешительное обследование в московской клинике у профессора Перельмана. Подтверждались самые худшие предположения. Перельман брался за операцию, но не все с этим были согласны. Лечащий врач на вопрос папы, стал бы он делать такую операцию своему отцу, твердо сказал – нет. Мы отказались и, как оказалось, правильно. Профессор Перельман позднее в своей статье (1969 г.) писал, что, к сожалению, ни одна из таких операций не принесла в то время положительного результата. А так папа прожил еще год – трудный, но творчески очень

наполненный. Михаил Васильевич много и часто болея, давал папе массу советов. Он очень беспокоился о его здоровье, рекомендовал лечь в Кунцевскую больницу на повторное обследование.

Когда папа только собирался писать эссе, редакция журнала «Знамя» просила передать им новую вещь, считая его своим постоянным автором. Действительно, последние годы в нем было напечатано много его произведений и не предвиделись трудности с публикацией эссе. Но оказалось все не так. После долгих выматывающих душу переговоров с редактором отдела прозы И. Козловым, папа прервал их и вернулся домой.

Сейчас, когда можно писать и печатать обо всем, не заботясь ни о качестве, ни об истине, совершенно непонятно, почему так рьяно не хотели издать «Коктебельскую элегию».

Прежде всего, не устраивала идеологов от литературы личность Волошина, человека неординарного, благородного, живущего по законам чести и совести. Гордиться этим могут очень немногие. Волошин сумел сохранить высокое понятие человеческого достоинства и не уронить его в очень суровых испытаниях. Все это задевало самых разных временщиков от литературы и власти.

Но, может быть, самым главным была позиция самого автора эссе, его честность, способность видеть суть явлений и поступков людей, понимать их, а не осуждать.

Папа не захотел уродовать это любимое его «дитя» чудовищными правками в угоду сиюминутному желанию увидеть его напечатанным. «Коктебельская элегия» ушла в стол на годы. Как говорил когда-то его друг И. Уткин – нужно уметь ждать (по поводу военного стихотворения папы «Брату»). Правда, его напечатали быстро, а «Коктебельскую элегию» папа не увидел в печатном виде. Только в 1976 году она появилась в ленинградском журнале «Нева». Осмелился напечатать ее Г. Холопов, слывший среди писателей очень смелым человеком.

Папа, не зная своего диагноза, несколько успокоился, поскольку его выписали из больницы (без ведома Перельмана), и отправился восстанавливать силы целебным основным воздухом в Слободу, но не отдыхать, а работать и готовиться к юбилеям М. Горького и И.С. Тургенева. Постарался успокоить и Михаила Васильевича. Исаковский обрадовался, но все же рекомендовал папе беречь себя и проверить легкие у врачей, чтобы не допускать повторения затяжного процесса воспаления легких.

У Михаила Васильевича появляется еще одна «лихоманка» – катаракта. Операция ему противопоказана. Пишет механически, почти не видит. Вышел проспект его собрания сочинений и даже набраны первые три тома, хотя печатать их собирались позже.

Летом 1968 года отмечалось столетие со дня рождения А.М. Горького. Праздновали широко. Приехало много гостей не только из разных уголков страны, но и из-за рубежа. Центром торжеств был Горький, в который делегации отправились на теплоходе «Н.В. Гоголь». Там папа выступил с речью на пленуме Союза писателей. Кроме того, написал большую статью об этом великом писателе «Мой Горький». Как говорил он сам – этот год у меня прошел под знаком Горького.

А у Михаила Васильевича к его болезням прибавилось нарушение кровообращения в области сердца. Лежа в постели, он сочинил стихи о Байкале. У него возник вопрос, можно ли назвать Байкал синим, и он обратился с этим вопросом к папе. Судя по всему, папа синего Байкала не видел и посоветовал спросить у Г.М. Маркова (тот долго жил в Иркутске). Но папа считал, что «синий Байкал» излишняя красивость, штамп, и Михаил Васильевич был согласен с ним.

Михаил Васильевич продолжал болеть. Его положили в больницу лечить сердце и сосуды и, как он писал, от скуки сочинил 2 эпиграммы на С. Острового, печатать которые, конечно, было нельзя. А «делать что-либо более серьезное не могу: и трудно мне, да и неудобно здесь, хотя я лежу в отдельной палате, в которой есть даже городской телефон».

Е.И. Осетров, критик и литературовед, уговорил Михаила Васильевича принять участие в дискуссии о поэзии, и он написал статью, которая была опубликована в журнале «Вопросы литературы» № 7 за 1968 год. Первоначальный вариант ее, по словам Осетрова, должен был произвести эффект разорвавшейся бомбы. Михаил Васильевич несколько смягчил ее. Папа прочел статью и откликнулся. Он считал, что статья Михаила Васильевича направлена против версификаторства и поэтому нет никаких причин для дискуссии. Оно известно давно, было еще во времена Пушкина. Брюсов разграничивал поэзию и версификаторство. Об этом же была статья и у папы «Святое ремесло». Исаковский, признавая правоту папы, все же настаивал, что нужна активная борьба с версификаторством. Он пишет: «Оно конечно не дискуссионно, но ведь ты же понимаешь, что даже в среде литераторов далеко не все отличают обыденную версификацию от подлинной поэзии. Ведь печатает же Кошечкин (в «Правде»!) малограмотные стихи С. Острового («Разрядите меня, как пушку, А не то я сойду с ума!»). Он считал, что версификаторы оккупировали многие позиции, которые по праву принадлежали не им, а настоящим поэтам, что они и халтурщики довели до полного падения даже Маяковского, которого хотели превратить в бога. Сам Исаковский Маяковского не любил.

К числу сатирических стихов Михаила Васильевича относится и довольно длинный опус «По поводу нюни». (О стихотворении Инны Лиснянской «Нюня».) Папа писал Михаилу Васильевичу, что Лиснянская хорошая поэтесса, но больна, и не стоит это стихотворение печатать. Михаил Васильевич согласился с папой.

Папа осенью выступил на торжественном вечере в Большом театре по случаю 150-летия со дня рождения И.С. Тургенева (по решению ЮНЕСКО эту дату отмечали во всем мире) с речью от имени русских писателей и написал три статьи о нем:

- 1) Размышления у портрета Тургенева;
- 2) Мой Тургенев;
- 3) Перечитывая Тургенева.

13 июля 1968 года папа написал стихотворение «Ночной звонок», опубликованное вскоре в газете «Литературная Россия». Исаковский прочел его, оно ему очень понравилось, и он тоже написал стихотворение на подобную тему – «На заре туманной юности» с эпиграфом из А. Кольцова. В нем 7 строф по 4 строки, у папы – 4 строфы по 8 строк. Они разные, но об одном – своей юности.

В конце ноября папа получил от Михаила Васильевича длинное письмо, затрагивающее ряд вопросов, довольно хорошо характеризующих его с некоторых сторон. Он благодарит папу за книгу «Дорога уходит за околицу», которую он прочитал раньше в «Знамени».

Далее Михаил Васильевич жалуется на А. Бодренкова, который неправильно информировал его и тем самым поставил в неловкое положение. А дело было так. Бодренков прислал ему сначала книгу «В своем отечестве», которую Исаковский не мог прочесть, но, то, что она издана в «Московском рабочем», сделало ее как бы более «весомой». Потом пришло письмо. В нем Бодренков написал, что давно подал заявление о приеме в Союз писателей со всеми соответствующими документами, в том числе и рекомендац

ей Исаковского, но до сих пор его заявление не рассмотрено. Все удивляются, почему он (Бодренков) не член Союза писателей.

В письмах Исаковского я обнаружила, что он дал рекомендацию А. Бодренкову еще в апреле 1958 года, то есть десять лет назад, и, следовательно, не могло быть такого «бюрократизма». Действительно, его заявление в свое время рассмотрели и отказали. Но этот факт Бодренков утаил от Исаковского. И Михаил Васильевич со своим заступничеством оказался в неприятной ситуации.

Далее в письме речь идет о собрании сочинений Исаковского: «Теперь о моем четырехтомнике. Ты знаешь, я мог бы включить в этот четырехтомник все, что захотелось бы, в том числе и те стихи из «Проводов в соломе», которые я не включил. Но скажу тебе совершенно откровенно вот что: по моему мнению, в четырехтомник и без того попало довольно много слабых стихов (а в четвертом томе будет довольно много слабых статей), и не хотелось увеличивать их количества. В общем, стихи слабые (я и сам знаю, что они слабые), я собирал их по принципу: дать те, которые ни разу не печатались. А те, что остались в «Проводах в соломе», все-таки печатались хоть раз. Вот я и прошел мимо них. Не печатать же совсем всех тех стихов, которые кажутся мне слабыми, я не мог: хоть один раз их нужно напечатать.

Несколько раньше я получил твое письмо, где речь идет относительно «Нюни». Я скорей всего, знал, что ответ твой именно будет таким. (...) Печатать «Нюню», по крайней мере сейчас, я, конечно, не буду. Но, знаешь, тут у меня возникает такая проблема: меня возмущают некоторые вещи, происходящие в нашей литературе (главным образом, в поэзии). И как-то сами по себе пишутся довольно острые стихи об этих нетерпимых вещах. Но я не могу напечатать эти стихи. Я очень сожалею, что они лежат у меня мертвым грузом».

В следующем (1969) году исполнялось 200 лет со дня рождения И.А. Крылова. Папа вошел в состав юбилейной комиссии (председатель С. Михалков) и написал о знаменитом баснописце большую статью «Дедушка Крылов».

Зимой 1969 года папа последний раз побывал в полюбившейся ему Малеевке, много работал – писал новеллы (цикл «Уплотнение времени»), стихи. Там было чудесно, но мама простудилась, началось воспаление легких. В Смоленске ее положили в больницу, и ей, как и Лидии Ивановне в свое время, не пришлось побывать на папином шестидесятилетии.

Накануне юбилея был опубликован указ о награждении Рыленкова орденом Ленина. Празднование прошло в очень теплой обстановке. Приехала большая делегация из Москвы. Торжество состоялось в актовом зале медицинского института (теперь филармония), банкет в кафе «Заря». Телеграф, наверное, работал эти дни на одного человека – было прислано несколько сотен поздравлений – от Калининграда до Сахалина, от Архангельска до Армении. Папа выглядел уставшим и несколько отстраненным, чувствовал себя не очень хорошо и тревожился за маму.

На следующий день принимали дома московских, белорусских, смоленских друзей. Очень не хватало мамы.

Михаил Васильевич на юбилей не приезжал. Он постоянно чувствовал себя нездоровым, но писем от него приходило много. Уже выходили из печати тома его собрания сочинений, и он присылал их папе (хотя это был второй комплект). Прислал он свою книгу «О поэтах, о стихах, о песнях». В ней была и его рецензия на «Корни и листья».

Михаил Васильевич пишет:

«... книжку надо было почистить, чтобы избежать повторов и пр. Но я из-за болезни не в силах был сделать этого. Все осталось так, как сложилось в самом начале, то есть приблизительно».

Папа очень рано оценил большой талант Твардовского. И хотя они шли разными дорогами, прощал ему многие недостатки, всегда поддерживал под огнем критики и до и после войны, поэтому в переписке неоднократно упоминается его имя. Папу всегда возмущали несправедливые нападки на «Новый мир», так как это была не конструктивная критика, а избиение. Вот что ответил ему Исаковский на вопрос об А.Т. в 1969 году:

«Что касается того, что нападки на «Новый мир» (а заодно, конечно, на его редактора) не прекращаются, то это, к сожалению, верно. Есть какая-то группа, которой во что бы то ни стало нужно дискредитировать журнал. И она делает это при всяком удобном и неудобном случае. Не знаю, кому это выгодно, но это так. Плохо еще то, что обругать «Новый мир» в печати может кто угодно, а ответить этому «кто» «Новый мир» не может. Даже на своих собственных страницах он лишен возможности ответить на выдвигаемые против него обвинения, хотя эти обвинения – самые абсурдные».

Папа посылает Михаилу Васильевичу две своих новые книги стихов – «Снежицу» и «По чувству долга». Исаковский благодарит его и извиняется, что не смог их внимательно прочитать, а только перелистал. Очень плохо со зрением. Пытается он писать автобиографические записки, но у него как-то не очень хорошо получается – во-первых, потому что не умеет писать прозу, во-вторых, из-за плохого зрения. «Я, пожалуй, даже перестал бы писать, но тут случилось так, что начало записок я дал А. Твардовскому – дал не для журнала, а лично ему, а он прочел и в «Новом мире» объявил, что журнал в следующем (1969) году будет-де печатать автобиографическую прозу М. Исаковского, и теперь уже никуда не денешься. А начал-то я записки для того, чтобы включить в свой четырехтомник, да потом увидел, что получается длинно, и что написать вовремя я не успею. И вот теперь все же надо дописать».

Надо сказать, что после смерти Сталина, и в особенности со второй половины пятидесятых годов, Исаковский постоянно жаловался, что у него плохо пишутся стихи. В чем же дело? Михаил Васильевич длительное время (кроме песен и военных стихов) создавал стихи о «вожде народов», и когда тот умер, а потом был осужден культ личности, Исаковский оказался в растерянности – не знал, о чем писать. Лирика у него почти не шла, возможно, сказывался возраст. Занимался, в основном, переводами. И папа советовал ему взяться писать автобиографическую прозу, доказывая, что у Михаила Васильевича была интересная жизнь, и у него должно хорошо получиться – ведь он был прекрасным рассказчиком. Исаковский долго сомневался. Но когда у него не хватало материала для собрания сочинений, в особенности для четвертого тома (проза), а статьи его в большинстве были написаны по случаю и устарели, взялся за непривычное дело и весьма успешно. Когда вышли из печати три тома собрания сочинений Михаила Васильевича, где были собраны практически почти все его поэтические произведения и многие переводы, папа написал к этому событию статью «Большой мир поэта» и опубликовал ее.

24.04.1969 года Михаил Васильевич пишет: «получил от Ю. Пашкова «Рабочий путь», где напечатана твоя статья о моем собрании сочинений. Спасибо тебе за этот живой отклик. ...

Сию минуту принесли от тебя пакет и в нем – твоя книжка «Огоньковская» «Придорожная ива». Спасибо за подарок.

Я последнее время ничего не делаю, больше болею, причем, болею как-то уж очень скверно, тягуче».

Когда папе, а это было, кажется, в конце февраля, вручали орден Ленина в обкоме, стояла холодная, неприятная погода. Чувствовал он себя плохо, но пришлось идти. Он, как всегда, не попросил прислать за ним машину, а начальство, конечно, догадливостью не обладало. По дороге он почувствовал сильные боли в спине. Папе сказали, что это радикулит, хотя было совсем другое. А после майских праздников положили в больницу. Наверное, очень многие в городе знали, что папа очень болен и даже чем. Не знал только папа, хотя, возможно, у него и возникали догадки.

28.05.1969 Исаковский пишет ему: «...получил письмо от Н.Г. Антонова. Тот пишет, что ты серьезно болен. Если есть у тебя возможность, ради бога напиши, что с тобой. Или пусть напишет Женя. Все это, конечно, грустно, но хочется знать. Ведь ты же мне очень дорог, ты один из тех очень и очень немногих друзей, которые у меня еще остались».

Болезнь прогрессировала семимильными шагами, боли были адскими, писать сам он не мог. Мама была в больнице вместе с ним. Они продолжали подготовку собрания сочинений, мама читала корреспонденцию и другие материалы, отвечала на срочные письма. Ответила она и Михаилу Васильевичу. Писать было трудно, так как надо было сказать о состоянии папы так, чтобы он сам не догадался обо всем – ведь каждое написанное письмо мама прочитывала ему.

5 июня Михаил Васильевич пишет: «Я получил письмо от Жени. Она пишет, что у тебя какая-то затяжная (и, конечно, весьма неприятная) болезнь, но что болезнь эта все же должна пройти. Я надеюсь, что это так и будет, что в конце концов ты встанешь. Я и сейчас как бы не могу поверить, что ты болен: почти каждый день «встречаюсь» с тобой, читаю твои стихи и статьи, появляющиеся в газетах, и слышу твой голос по радио. Все это создает впечатление, где ты здоров и находишься, как говорят, в боевых рядах. Пусть это будет так и на самом деле!»

Папа не переставал работать, хотя был измучен болью, до последнего. Лишь в последние 2-3 дня ему стали применять наркотики. Он говорил маме, что после применения нового обезболивающего (как он считал) ему грезилось такое, которое поразило бы даже Кафку. Но рассказывать, что именно, не стал. Обещал сказать потом. Написал сам текст поздравления Л. Леонову с юбилеем.

Уже составленное собрание сочинений, на которое обещали 5-6 томов и планировали издать в «Художественной литературе», отодвигалось и «худело» на глазах – сначала до четырех томов, а потом урезали до трех и перебросили в издательство «Современник». Маме пришлось сначала самой, а потом с А.М. Турковым, искать не то, чем бы заполнить тома, а что бы из хорошего и достойного для публикации исключить. Живые (писатели) не только отобрали так необходимый для собрания сочинений четвертый том (его присоединил к своему секретарь Союза С. Сартаков), но и Ленинскую премию. Ф. Таурин на траурном митинге объявил, что уже известно о присуждении ее Н.И. Рыленкову. Но все каким-то образом изменилось, и лауреатом стал другой.

Как не получил и российскую премию им. Горького, на которую был номинирован в том же году. Опять «отодвинули».

Михаил Васильевич стал председателем комиссии по литературному наследию папы и продолжил переписку уже с мамой. Главным в ней стало издание книг – собрания

сочинений, тома стихов большой серии «Библиотеки поэта» и других, а также сборника воспоминаний.

Обширная и многогранная переписка двух известных поэтов вызвала большой интерес в литературных кругах. Ее хотели бы опубликовать (в большем или меньшем объеме) многие издания («Литературная газета», журнал «Вопросы литературы» и др.). В ней отражалась литературная жизнь страны на протяжении десятков лет.

Михаил Васильевич сказал папе: «Ты, Николай Иванович, знаешь мое творчество и меня самого лучше, чем я сам, глубоко вникаешь в истоки, в корни, откуда все идет и ты, безусловно, прав, когда говоришь о влиянии на всю жизнь малой Родины, которая с тобой всюду и отказ от нее – это отказ от себя самого, от своего самого сокровенного. Можно писать и не только о своем уголке, но он будет присутствовать везде». Это относится и к самому Рыленкову, и это можно проследить в переписке. Папе приходилось не единожды помогать и консультировать диссертантов по творчеству Исаковского. И конечно, в письмах был портрет и самого Рыленкова – как человека и писателя, как знатока литературы и общественного деятеля.

Папа искренне радовался, когда Михаилу Васильевичу, очень мало писавшему стихов много лет, в конце все же удавалось написать хорошие, от которых «пахнуло прежним Исаковским». А последних статей его он не признавал, считая их старческим брюзжанием.

К печати переписку хотел подготовить критик и литературовед Е.И. Осетров. И мама, и Михаил Васильевич были согласны на публикацию. У Михаила Васильевича сохранились все письма папы, начиная с довоенных из Смоленска, но он не хотел их отдавать без предварительного согласования с мамой. Ей он доверял полностью отбор их, и, кроме всего прочего, это исключило ошибки в текстах (сам он сделать этого не мог). Но требовалось время и немалое. Поэтому они договорились, что мама сначала позвонит и, если здоровье Михаила Васильевича позволит, приедет на несколько дней. Мама регулярно звонила, а Антонина Ивановна неизменно отвечала, что Михаил Васильевич болен и подойти к телефону не может. Так ли это было – неизвестно. Но Михаил Васильевич еще в начале 1973 года писал, что он готов представить письма. В конечном итоге, после ухода Исаковского Антонина Ивановна показала маме лишь 39 писем. Станным образом исчезли почти все письма за 20 лет 1947-1967гг. А довоенные остались.

Вот такая почти детективная история и очень некрасивая. Но скрывая (а может быть, и уничтожая их), «некто» не додумался, что полностью сохранились письма Михаила Васильевича в архиве папы и по ним (хотя, возможно, и не в полном объеме) можно восстановить и вторую половину диалога, то есть истину (особенно тем, кто жил рядом с Н.И. Рыленковым).

А.В. Македонов, прекрасно знакомый с творчеством Исаковского еще с довоенных времен, написал к шестидесятилетию Михаила Васильевича статью, опубликованную в «Новом мире». Папа с удовольствием прочел ее и отметил, что написана она очень «умно, тонко и правильно».

16.03.1960 папа пишет: «Я не думаю, чтобы М.В. Исаковскому могла не понравиться твоя статья. Мне он несколько раз говорил и даже писал, что ему стыдно тех похвал, которые раздаются со всех сторон, что у него такое ощущение, будто он обманывает кого-то. И это, вероятно, искренне. Он еще человек достаточно трезвый, хотя кое в чем и дезорганизованный критикой. Сейчас, конечно, вряд ли стоит нажимать на слабости

поэзии Исаковского, это будет его только травмировать. Он и сам очень переживает свое затянувшееся молчание. Я, честно говоря, слабо верю, что он вернется к активной работе в поэзии. Не тот возраст, да и не тот характер. Но сделано им достаточно, чтобы относиться к нему с глубоким уважением. Не нужно только делать из него идола, даже мэтра. Статья твоя, очень доброжелательная и совершенно честная, по-моему, все ставит на свое место».

Прежде чем что-то
Открыть потомкам,
Время смывает
Своим потоком
С правды –
Всю пыль, приставшую к поту,
С кривды –
Мишурную позолоту.

23–24 января 1967 года